

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда, затаив дыхание, смотришь на разгорающийся хворост, хочется вспыхнуть вместе с ним н

Когда снежные хлопья ложатся сверкающим бархатом на взъерошенные кисти мохнатых елей, хоче

Когда ночь зависает гуталиновым смогом над покоем странника и раскидывает по черной пашне
(Когда, затаив дыхание)

Часть 1.

Пьяная осень

Вдохновением полной луны

Вдохновением полной луны
Я черпал ночную прохладу,
Бинтовал сумасшедшие дни,
Что стреляли в память бравадой.
Теплым шелком надежд пеленал
Беспокойное время томлений,
Я нашел, лишь, когда потерял,
Я поверил, лишь сдавшись сомненьям.
Откровением лунного сна
Я вдыхал наваждение ночи,
Ты со мною моя сторона,
Сторона одичалых пророчеств.
В мягких тканях спасительных слов,
В звездных ветрах на новых помостах
Я забылся, вспомнив любовь,
Я ответил, уйдя от вопросов.

Пьяная осень

Мироточащее светом слово –
Евангелие от распятого лета,
Осень в наших краях снова
Бродит ржавчиной хриплого ветра.
Я завяжу чувственность солнца
В узел тугой, да сброшу дождями,
Душа по воде расходится кольцами,
Сердце в тисках листопада зажало.
Я концентрирую холод неба
В черных глазах, как в черных оковах,
Сводит остывшие, сжатые вены
Рек, золотом мажет живое,
Золотом, что отзвенело печалью
В трубах похмельных летнего пира,
Осень в наших краях причалила,
Бродит пометом сиплых зефиров.

Леность озёрной сини

Леность озёрной сини
Я собираю в песни,
Воздух смакуя винный,
Солнца румяны свесив

На обожжены плечи,
Да на медовые очи,
Что расстилают далече
Взор, добрым небом сочный.

Вектором лиха сносит
Душу в приток полноводный,
Соком зеленым гроздья
Леса плещут поодаль.
Связки озёрной ряби
Я собираю в хоры,
Солнце струится кальяном
В сердце, разлитое морем.

Призрак Питера

В зеркальном холоде Невы
оставил я воспоминанья
о красоте короткой встречи
имперских нордовых огней

Я претендую на ласку мертвого солнца

Догнивают в листве тени летней надежды,
Я претендую на ласку мертвого солнца.
В черную гавань парусник ночи вползает неспешно,
Гирей луна провисает в сети голых погостов.

Оплеухую ветра сыт на обед, да справен на ужин,
Взор горизонта – далекая статья, першит сквозняками.
Прими меня в свои объятия подвальная стужа,
Я так переполнен твоей пустой в осеннем оскале.

Я претендую на золото в черной оправе,
Давится влагою сало размытого неба.
Отчего же печаль так прекрасна и сердцу отрадна,
Понимаешь, все это исчезнет, исчезнет бесследно.

Кровавое солнце ацтеков

Кровавое солнце ацтеков
Пожирает свежее мясо,
Сердце вырвано ветром
Шаманского дикого пляса.
В храме пернатого змея
Головы ядрами наземь,
В небо ведут ступени,
У неба кровавый праздник.
Воин – жертвенный агнец,
Боги – голодные судьи,
Ты далеко, испанец,
Значит, еще повоюем.
И духи вещают бурю,
Будет великой охота,
Теплому солнцу на блюде
Дар наш холодной плотью.

Потенциальная реальность Дали в исполнении сновидения

В двенадцатое измерение
Похлебка сонной реальности
Наваривается галлюцинацией.
Крайностью
Сингулярность безумия
Того и гляди взорвется
В прострации безразмерности.
В бесконечность зеркал
Карамелью растянуты формы,
Параллельно
Перекошенным небом кормят
Созерцание дьявола.
Гениальный бал
Воображения,
Извержение красок
На полотно души.
Дали из-под толщи масок
Смотрит сквозь
Расчлененную жизнь,
Вбивая гвоздь
В крышку гроба
Будничных трупов.
И вот уже новое
Тринадцатое измерение
Под сонную лупу
Художника
Просится вдохновением
Неудержимости.
Срывается тишина
Бездонного сердца,
Открываются двери,
Крестятся люди,
Дьявол сошел с ума.

Изживай свое тело, убивай своё "Я"

Изживай свое тело,
Убивай своё "Я",
Пустота знает дело,
Это дело стезя
Без потери
На вере,
Без труда
На ветра,
Без расчета и меры,
С грудью полной огня,
В незнакомую волю,
Но родную по крови,
К прародителям снов,
Там, где бредит любовь
Откровением целостным духа.

Волчица

Где снежный ворс - девятый вал,

Во тьме глухой лесной химеры
Я мать-волчицу повстречал,
Как миф, сошедший с уст Гомера.
На расстоянии огня,
Глазами веры беспробудной
Она смотрела на меня,
Как на щенка печалью лунной.
Молитва стаи – песнь во льдах,
Ее манила утешеньем,
А в моем сердце бился страх,
Но страх любви, благоговенья.
Стояли мы, как мать и сын,
Как мир у дикого причастья.
Она растает, словно дым.
Я знал, свобода, выше счастья.

Весь в скитаниях нараспашку

Весь в скитаниях нараспашку,
Непричесанным полем проветрен,
Я плешивое небо раскрашу
Белоснежным облачным пеплом.
Изумрудною коброй совьюсь
В роскошь леса, в винные хвой,
Не хватает слов, не хватает чувств,
Только сердце примет такое.
Кто мне выдал этот карт-бланш,
Приневолил меня поверить,
Беспардонная синяя блажь,
Мое небо открытой дверью.
На простуженных тропах оседлый,
Весь в скитаниях неумытый,
Я ищу себе жизни неверной,
Чтобы голодом сердце насытить.

Шамбала внутри

Это крылья души,
на кончике перышка
дыхание Неба

Гармония сфер и магия слов

Гармония сфер и магия слов,
Жизнь познанием смерти,
Томление духа,
Великий уход
Инициацией сердца
В охотника веры, в божественный свет.

Несотворенным мифом,
Предопределением прожитых лет,
Метафизическим вихрем,
Мы коды слепой эволюции масс,
Мы мировоззренческий слалом,
Мы домостроители здесь и сейчас,
Того, что до нас и пред нами.

Преодоление разума

Глубокие, как наперстки,
Тяжелые, как крылышки мотылька,
Я мыслей мокрые простыни
Развешу сушить по бокам,
Да сгину пропастью лета
На жаркие степи гласности,
Простая нехватка света,
Лишь гадит в пространства ясности.
Простая уловка местности
Сбивает с пути вольготного,
Вас сколько, пропавших без вести,
В погоне за истиной потной.
Измеренный, как вселенная,
Промерзший, как солнце на полную,
Я мыслей пивную пену
Сдуваю в чистую формулу.

Непал. Расходясь амплитудой гор

Расходясь амплитудой гор,
Растворяясь идеей бездны,
Меня здесь нет, но я во всем,
Вдыхающим ритмом поэзии.
Спускаясь горной водой,
Засвеченный снежным блеском,
Меня здесь нет, но я с тобой,
Флейта ветров небесных.
Размеренность синих широт
В медитативном венчании
Одухотворенность жует,
Сплёвывая молчанием.
Я молчание вознесенное
Изловлю, пропитаю в легкие,
Как найденная, обретенная
Душа на разрыв, осколками
Звезд лепестковых просеяна,
От тяжбы греха отвращенная,
Да озером чистым застелена
Во Слово не нареченное.

Я ночь захлеб до краев

Я ночь захлеб до краев
Размажу по стенкам горла,
Да в млечное небо верну песней вольной,
Обернутой лунностью слов.
Я вылечу черный сад
Унылых улиц и скверов,
Своим вольнодумством и мерой
Безмерных бродячих баллад.
Я ночь разгрызу по швам,
Пусть чрево ее разродится странником,
Черным ангелом, черным всадником,
Что ветры судьбы связал,

Связал в этом месте лунной породой,
Да выплеснул мне в лицо,
Как лезвием тьмы, как звездным свинцом
Прострелено сердце свободы.

Наедине с Куинджи

Медитация белых холмов
молочным пухом
ложится на пустошь души.
Воздух искрится холодной зарей.
Сон небесных долов
чистым спокойствием
тишины
поедает тревогу мою,
да печальную проповедь сердца.

Метафизика Анжелики

Я сморю, но не вижу изъяна
Прикосновений плотской руки.
В светящихся кудрях зарею румяной
С постели цветочной встает в стихи,
И льется лирикой синих закраин,
Что в горизонт уплывают безбрежностью.
Жрица Венеры, ты золотом плавяшь
Сладость взгляда, мягкостью нежности
Яства подносишь к престольному мрамору,
Танцем колдуешь у замерших муз.
Я смотрю и слышу молитву Паллады
Щебетанием света, катящимся с уст.
В этих глазах пьяной амброзией
Пиршество ангелов рвется по струнам,
И лишь утренний ветер метаморфозами
Спокойно пылает на сердце юном.

Бриллиант прохлады

Кровоточит алмазными копьями дождь,
Серебрятся воздушные сени,
Лакирует асфальтовый студень галдеж
Озорной, перелетной капли.
У дождя есть особенный, ветренный дух,
Есть богатство травы свежеспелой
Бриллиантом прохлады, да тысяча рук,
Что ласкают эфирную пену.
Раскисает, курится непрошенный дождь,
Налипает на губы невеждой,
Да сшибает усталость, как вздорную вошь,
Возбуждая просохшие вежды.
У меня же есть грусть, есть сердечный пробел,
Он настоян в кисель эпизодов,
Я сегодня его бодрой влагой воспел,
Отпустил в долгосрочные воды.
Молчаливым законом, безмолвием сил,
Свод небес в макияже провиснет,
И с потоком умрет смысловой ориентир,

Иль найдется судьба, что сверх смысла.

Глазами импрессиониста

Мазок ожившего сознания,
Мелодия блуждающей струны,
Передо мной движение мироздания
В прожилках солнца, в плеве сочной тьмы,
Эмоции невспаханных полотен,
Бомбардировка предзакатных искр,
Гуашь души, размазанная потом
Налитых яблонь, да колосьев золотых.
Кудрявый шелк волос подруги верной
Я подмешал к палитре спелых уст,
Палящий взор оставил кистью нервной
В переплетенных волнах взбитых чувств.
Мазок ожившего, прирученного света,
Оркестр экспрессии расшатанных свобод,
Передо мной безумие поэта
В стенаньях грома, в розгах синих вод.

Чья здесь пуля моя?

Чья здесь пуля моя?
Чья здесь пуля моя?
Чья здесь пуля моя?
У смерти не спросишь.
Кровью цедила заря,
Кровью цедила заря,
Кровью цедила заря,
Да билася оземь.

Ой, не готова душа,
Ой, не готова душа,
Ой, не готова душа,
Да кто тебя спросит.
В прах, как слепой урожай,
В прах, как слепой урожай,
В прах, как слепой урожай,
Листьев по осени.

Сердце приняла земля,
Сердце приняла земля,
Сердце приняла земля,
Да в травы застила.
Чья здесь пуля моя?
Чья здесь пуля моя?
Чья здесь пуля моя?
Да кто ж знает, милый.

Чёрны потухли глаза,
Чёрны потухли глаза,
Чёрны потухли глаза,
Беззвездною ночью.
Знать нацедилаась заря,
Знать нацедилаась заря,
Знать нацедилаась заря,
Крови проточной.

Коньячное небо закат оросил

Коньячное небо закат оросил,
Слюной облаков багровея,
Раскисшее солнце свалилось без сил
В трясину овражного клея.

Шершавые доли обмякли пунцом,
Струясь в горизонта резину,
Я сгусткам кровавым подставил лицо,
Засахарился малиной.

Вареньем души раздобрел по степи,
Откинулся светом предсмертным,
Уставшее солнце провисло без сил
На тресах ночного ветра.

Холодные звезды оскалом взошли
На ватман чумазого неба,
Я течи стальной подставил кувшин,
Упился сверкающей пеной.

Венеция. Фрагменты на воде

На площади Святого Марка,
Средь голубиной мишуры,
В скрипачных слезах огнепалких,
Соборы золотом цвели.
Дух Гете, Пруста, Твена, Манна
Глотком вина сплетал строку
Меж столиками "Флориана",
Под колокольную тоску.
Венецианские порталы,
Нептуна сеть, да Марса перст,
Фруктово-рыбные развалы,
Дворцов соседствующих спесь.
Палаты дождей – зал тщеславья,
Встречают сонм открытых ртов,
Из камня высечен печалью
Венец колонн, мостов и львов.
Шарманка оперного хора
Вздувает "Ла Финичи" нимб,
Здесь все исполнено простора
Морских кровей, морских глубин.
Адриатические косы
Раздел мой взгляд в плавучий сквер,
Где по канальным веткам носит
Лихую песню гондольер.

Пластилиновая меланхолия желтого вечера

Ощущение осенней свежести
На вечернем пустыре души,
Я выстилаю листвою небрежной
Шепот шагов, что дождям вслед спешит.
Город плывет в монотонном забвеньи,

Сердце коптит светофором огня,
Память корчится, как убиенная
В жерле историй опавшего дня.
Ищет словесной отдушины усталь,
Взгляд в проводах запутался плетью.
Вечер. Осень. Приятная пустошь
Мягкой души фарами светит.
Видишь, видишь, она еще дышит,
Дышит любовью неосторожной.
Место и время найдут свою нишу
В липкой прохладе, в рассоле дорожном.

Тонкая природа слабого взаимодействия

Поэтика безмолвия –
непростительная роскошь
нашей эфемерной, сиюминутной близости,
Рефлекс безусловный
такой условной сцены,
но все же такой притягательной искренности.
И руки прочь
от наивного созерцания,
от лепета детского
моих ищущих глаз,
Я сегодня
вновь строю здание,
небоскреб вдохновения
для умозрительных нас.
И пусть разорвется в клочья,
сгорит синим пламенем
бестия легкой взаимности,
Страсть моя,
поэтика безмолвия,
подыграй,
распахни грудь наизнанку,
урони к ногам ее
сердцем невинности
природу стройной весны.

Покажи мне путь в Аваллон

Покажи мне путь в Аваллон,
Где белый лотос ложится
Душою неблизкого мира,
Где ястреб хрустального ветра
Поет в пустыне из льда и огня,
Где бродят восемь бессмертных даосов,
И Ра в золотой колеснице
Спускается с неба пурпурным рассветом,
Введи меня в Аваллон.
Открой сады Аваллона,
Где сердце Ахилла срывается с цепи,
Где Веста согреет елеем домашним,
И страстью Иштар плодородна,
Где старый Конфуций законы справляет,
Законы земли и Неба,
Я знаю, что нет твоих вечных покоев,
Мифический Аваллон,

Великая тень мироздания.

Алхимик. Он просто любил слушать ветер

Говорят, он был алхимик,
Не то, чтобы маг, не то, чтобы мэтр,
Он просто любил слушать ветер,
Да закат апельсиновый
Собирать лунным взглядом,
Ледяную прохладу
Разводить рукавом,
А потом,
Молчать вдохновенно,
И верно
Что-то знать.
Не то, чтоб ведун,
Не то, чтоб загадка,
А просто сладкий
Нежный ветер
Любил ему петь
В сенях лун,
В прихожей ночного гостя.
И если спросят,
Как его имя,
Отвечай – тишина,
Полная музыки,
Да вина
Терпкого голоса
Его прислужника,
Вечера или рассвета.
Ведь он просто любил слушать ветер.
Просто любил слушать ветер.

Творческий дух несовершенства

Независимость от свободы – есть любовь.
Беспричинность всех причин – это ты.
И громадой нетронутой вскинут на чашу весов
Творческий дух несовершенства, где я святым
Орудием сердца вытачиваю произведения,
Что за тобою бредут впотьмах, как во смертной глуши,
Где я сколачиваю разобщенные звенья
Творческого несовершенства своей души.
Независимость от свободы, мне, как сахар,
Когда несвободен тобою, когда от тебя не на шаг,
Знаешь, этому блеклому почерку хватит и взмаха
Хилой строфы, чтобы воспеть блеск всех благ.
И я распахиваю ворот тугой рубахи,
Чтоб окунуться полным глотком в воздушную кому,
Знаешь, этой сини крыла хватит и взмаха,
Чтобы накрыть собою бездну влюбленного дола.
Творческий дух моего несовершенного действия,
Это действие идет от меня, изливаясь в утопию слова,
Знаешь, я многое видел, много сыграл слезой лицедейства,
Но только впитав твое благо принял благо земное.

Инстинкт самодостаточности

Доверится первому встречному мгновенью,
И осознать ураган интуиции
В подкожных прожилках рассудка,
Терпение,
Терпение, друг мой, все разрешится
Именно так, как должно в твоём сердце,
В душевном скелете, наращенном болью
Неровностей жизненных сфер,
Пусть верится,
Пусть верится даже нелепицей
Веры парадоксальной.
Здесь и теперь
Рождается новая стройность из хаоса ночи,
Из беспорядочных нитей судьбы
Узел созвучия
Прорастает, как песня пророчеств,
Что напевала добрая мать.
Смотри,
Смотри в свой горизонт, он намного богаче
Туманного скрежета чьих-то посулов и откровений,
Доверится первому встречному,
Не иначе,
Взывает истинность бытия,
Рождается это мгновенье.

Пшеничное солнце

Пшеничное солнце скользнуло в расщелину дня,
Открой свою дверь, на пороге ласковый ветер,
Он несёт золотую пыль сказаний огня,
Он держит на хрупких плечах преданья рассвета.

А за ним по пятам одинокий бродячий напев,
О вражде и о дружбе, о счастье и горести душ,
Открой свои окна, за ними солнечный свет
Золотистой пшеницы в озерном расчесе луж.

Пшеничное солнце полощется вновь в янтаре,
Для чего этот миг наливается праздничной краской?
Может быть для того, чтобы просто подумалось – верь,
Так загадано светом и ветра прожженного лаской.

Прописалась ты во мне

Прописалась ты во мне лаской трепетной,
Погубила ты меня сладким окриком,
Обратила ты меня властью северной
В южной вьюги непокой, что жжет соколом.

Непроста твоя заря, ослепляющая,
Нелегка твоя звезда, заплутавшая,
Только это мне не в страх застывающий,
А в свободное безумие бесстрашное.

Куда помыслы спешат – неописуемши,
Куда тропы мнут траву – в прыть сердечную,
Прописалась ты во мне взором любящим,

Захватила ты меня силой нежною.

Летал ворон черною судьбою

Летал ворон черною судьбою,
Беспросветной колеей долов,
Чуял ворон сок горячей крови
На прополках сложенных голов.

Летал ворон мертвою дорогой,
Разносил о смерти рваный клич,
Как не плач, да ходим все под Богом,
А Его, лишь смертью и постичь.

Оседал гонец на крест раскосый,
Слагал крылья, да кричал судьбе,
Взглядом дерзким павил черны слезы,
Чтоб напомнить жизни о цене.

Странник пойманной зари

Зачем разлился этим утром,
Зарею бодрости сожжен?
Быть может должен ты кому-то,
И долг твой красен платежом.
Иль может случая возможность
Несет коней рассвета вширь,
Толкая поступью тревожной
На совершения души.
Зачем, зачем явился, странник,
В подлунный мир своей стезей?
Чтоб был покусан и облаян,
Чтоб слушал муз и пас покой,
И этих яств судьбы отведав,
Ты вопрошал –
Зачем, зачем?
А после, ум пресытив бредом,
Опять ложился спать не с чем.
Зачем раскрылся этим утром,
Зарею молодой проветрен?
Ты разве помнил в ту минуту,
Кому светило солнце это.

Пыльные трубы Иерихона

Старый путник, Иерихон,
Твои стены усыпаны пеплом,
Твои храмы-святителища вязнут в дыму,
Но древний скиталец, Иерихон,
Поет на восточных проспектах
Истории давних времен,
Тех, что хранят тишину
Глухих, дремучих столетий.

Звонок в далекое близкое

Голоса, запутавшиеся
в проводах
электрической бурей,
Пойманные
в стальные плети
чувства и расстояния.
Ты шепчешь
на том конце,
Я отвечаю простудой
связок надорванных,
Так скрипит расставание.

И все же, ты рядом,
незримая,
но сердцем закованная,
затянутая в глубину
моих глаз-молитв.
Голоса, пересеченные
обрывками провода,
как железное эхо,
расплавленное
кипятком задыхающейся
любви.

По линиям, по прямым
спешу, спешу
излиться музыкой,
Больной и прекрасной,
услышь, вспыли
каждой нотой.
Прости за спешку,
за то, что
такой необузданный
голос рвется наружу,
стреляя икотой.

А значит ты помнишь,
а значит ты также
хмельна
от раздраженной волны
грозового пения.
Мой голос –
твой голос,
и пусть между нами стена,
стена расстояний,
Мы учимся страсти в терпении.

Песнь инка

Вечной девственностью совершенны,
Жены Солнца заняты пряжей
Супругу-Светиле.
Затворничеством безупречны
Дети золота и серебра
Слагают хвалебные гимны Луне.
Пока в Храме Солнца танцуют боги,
Наши дороги
Ведут золотыми садами
По снежным эфирам,

По горным тропам
Отечества
Куапак Ньян.
Пусть крепости стен заоблачных
Старой вершины горы
Хранят духов предков,
И кипу несут
Благую молву вождей,
Пусть дар благородный
Возносится к солнцестоянию,
Когда Мать-Земля
Питает наши следы
В садах и долинах Анд,
Под небом хищного Кондора.

Степь. Чешуей заката

Чешуей заката
Вымажу глаза,
Степью неопрятной
Тропы подвяжу,
Звезды разбавляют
Неба паранджу,
Где среди них пробьешься
Ты, моя звезда?

Серая дорога
Бороздит змеей,
В дьявола иль бога
Обратится мать,
Тишина рассудит,
Верить, не соврать,
Черная тревога
Да в степной покой.

Первенцем лучистым
Пробужусь в заре,
Захлебну пречистого
Жемчуга росы,
Дальняя дорога
Солнцем моросит,
Солнечным ожогом
Бродит степь во мне.

Костры ночного Диониса (Марина, посмотри на ночь)

Марина, посмотри на тишь,
Что свесила с карниза крылья,
И словно стайей голубиной
Звезд серебро бросает с крыш.
Пойдем гулять в ночную сласть
Неутомимой тенью ветра,
В руках сжимая свечи лета,
И осени златую масть
На сердце грея, как голубку.
Марина, посмотри на ночь,
Что вдохновенна, что не прочь
Принять в свои объятия чутким

Дыханьем неба тишину,
Сокрыть под проповедью темной
Взор грез, луною опаленный,
Марина, ночь найди мою.
Разбейся в ее звезд капризы,
Они расскажут больше слова
На что душевной мглой готовы
Костры ночного Диониса.

Моне и лилии на воде

Забери меня в край белых лилий,
Отрави меня колером мела,
На молочной траве в коме синей,
Паутиной снежного плена
Расскажи мне о бледных приливах
На озерах, заросших светом,
Забери меня в край белых лилий,
В отражениях малахита
Да навьюченных облачных ветров.

Попробуй молочную грусть

Укутай мой слух
прозрачной свирелью воды,
Разлей в кратер полдня
кувшин солнечного вина,
Забудь дальний свет,
откройся с другой стороны,
Что знает о нас больше слов,
да приходит сама.

Смирись безысходностью неба
в синеющем пульсе,
Попробуй молочную грусть
облачной бездны,
Забудь не покой
и страх, что придется вернуться
К словам без конца и начала,
к молчанию сердца.

Кочевая закваска. Охотники, кочевники и воины

Культ хищника на варварских клинках
(О, коим страх не страх)
Вспорол Европу.

Наездника степного
Отведала развратная тоска
Империи, что на семи холмах.

Ты, Пантеон, сложи великолепье
Перед восточным зверем,
Что зачат, был Волком-демиургом
В лоне степи.

Ты дичь всего лишь гуннам и аварам,

Монголам, тюркам и другим дитя
Небесного родителя,
Шаманам,
Властителям свободной стаи ветров.

Так пусть свистают стрелы
Сменой резвой,
И Мать-сыра земля несет коня
По степи огнеспелой.

Я кофейной смолой гримирую рассвет

Я кофейной смолой гримирую рассвет,
Я пластическим нервом улыбку сошью,
За кормой новый день растянулся в ответ,
Я уже на подходе, я снова спешу
В твои сети дорог, в переплет твоих глаз,
На заброшенный берег наскучивших рифм,
Многоточьем имен, переключками фраз,
Оставляя слова на форматах пустых.
Веретенном движения осени
Вязкое сердце стучит по мозгам,
Жем фонарей обмякшие гроздья
Во взгляде тумана, дыша по слогам.
Я кофейной ночи притупляю глоток,
Этой ночью я умер, я сном принял бой,
Но миксер небес взбивает желток
Настырного солнца, значит снова живой?

Пьяное просветление

Пьяное просветление
На хмельную вотчину,
Ты мое спасение,
Ты моя обочина.

Разливай по вечеру,
Да гуди по утречку,
Мы с тобой полечимся,
Пусть все на дурочку,

Пьяное просветление,
Где твои пророчества?
Где твое спасение?
Съело одиночество.

Дозой заправскою
Охмурили полчища,
Не пойду в отказную,
Век надежд просрочил я.

Зелие поганое
Проливай цистернами,
Начали забавами,
Кончились похмелием.

Спутница легкого помысла,
Тело змеи вобравшая,
С моих глаз прорисована,
В этой ночи не спящей.

Кажешься настоящей,
Страстью пылкой и нежной,
Только в задор горящий
Вкралась давно небрежность.

Тысячи рук постылых
В твоих уладах стерлись,
Ты их еще не простила,
Они опять распростерлись.

Свалка из лиц

Свалка из лиц
В мусорной яме
Телеэфира,
Катится вниз
С обрыва
Лира последних певцов
Достойного радости.
Застойное
Желе
Из хохмачей
И бочек пороха
Сердце жует,
Пожелтевшее от налета.
В сумрак ночей
Обращается взором,
Да звезд не ведать
Ни на йоту,
Где вы, полеты
Мыслей заздравных,
Виснут на дамах
В бикини и без,
Протест,
Или голая правда,
Складно,
На вес золота,
Зелено.
Прямым эфиром
По миру
Сплетней несется
Довольство бессмыслия,
Нравится,
Все под копиру,
Нравится,
Все продается,
Да не все покупается.

Другие контрасты, та же печаль

Другие контрасты,
та же печаль.

Быть может, забудем,
но
свежее на поверку
опять уже где-то пройденное.

Хлопай дверью.
Беги.

Память рассудит,
время поймет.

Прости за любовь.
Прощай.

В сердце сквозняк.
Свобода?
Или плач одиночества.
Кто разберет
на руинах
страсти.

Пределы прочности
нашего счастья
лопнули
одновременно,
скорой разлукой осев
в стихах.

Поблагодари зарю

Поблагодари
Зарю,
За то,
Что у тебя есть
День сегодняшний,
В причинно-следственных
Узах
Найдешь
Однажды ты
Единственно
Правильный
Выбор.

Ночь хороша
И без сна,
Если есть время
Выпить вина,
А сердце умыть росой
Молитвы.

Быть здесь или не быть,
Уже не вопрос,
Ответ
На языке,
Как песня повис.

Проветрить степью
Сухарь гортани,

В воздух
Оркестры
Горных ручьев.

В рассветной
Плазме зарниц,
На которые
Ты уповал
Благодарностью,
Пусть не застанет
Тебя врасплох
Вера, надежда, любовь.

*** (кто ценит не потерей)

Кто ценит не потерей,
Тот от рожденья сыт,
Кто верит, лишь на вере,
Богат на перемены,
Кто в доброте побит,
И пошлостью отмерен,
Печален,
Но наверно,
Судьбою не забыт.

Собери мою боль

Собери мою боль,
Да разлей по чашам сочувствия,
Выви нервы мои,
Я устал,
Потушили свечу мою
Эти гиблые дни,
Эти серые тучи затмения,
Я один на один.
Где ты, друг мой?
Растаял мгновением.
Собери мою боль,
Да развежь по полю бескрайнему,
Сожги сердце мое,
Я узнал,
Впереди расставание.

Бродяги

Погребенные в подворотне
Грязью,
Желтозубые, пьяные,
Потные,
Вязнут на трубах
В лохмотьях драных,
Не видя завтрашнего дня.
Вот они,
Переставшие плакать о боли,
Толпа конченная,
Кто услышит ее бред?
А за глазами, смоченными

Едкой слюной алкоголя,
До плахи
Чья-то судьба,
Все же судьба,
Да привет
Со дна
Страха.

Вера команданте

Команданте, к оружию,
На мушке революционного вещания
Сердце мира.
К мишеням слуха
Словом горящим,
Глазами отчаянными,
Верою духа.
Команданте, Гавана уже готова
В знаменах пылать
Партизанской милей.
К оружию веры
Горящим словом.

Ты гнешь свой предел
К боливийской могиле,
Но смертью гремишь,
Свободы, свободы!
Для тех и не тех,
Своих и чужих,
Прописанный мифом
Кровавого пота,
Да порохом сердца
В подпольях сырых.

Зима, зима, распутная метель

Зима, зима, распутная метель,
Трещит по коже инея щетина,
Снег хлопком придавил морщины
Земли.
И льдом под акварель
Загладила в серебряные воды
Дорога босоногая свой шлейф.
Ей ласково студёный ветер дрейф
Дарил
И завещал холодный,
Бездушный блеск
Сведенной мышцы солнца.
А тишина сменяла тишину,
Как на погосте.
Тяжестью ко дну
Что-то ушло, то, что еще вернется.

Вольнопашец

Вдохновенные равнины
Лугового половодья,

Да пшеничного застолья –
Ненасытный пир души.

Злаки, солнцем налитые,
Васильковы перезвон,
Хлебосольный чернозем,
И по ветру не души.

Сокрытое в лунной осени

В моей крови обнаружили
Музыку южных морей,
Мое дыханье прижилось
Ментолом северных сосен,
И если ты спросишь,
Куда течет жизнь,
Смотри не разлей
Соленого сердца прибой,
Да речную слезу моих глаз.
И звездная россыпь
Заломит тоску
Движением сфер,
Я помню надежду,
Я знаю о чем говорить в эту ночь,
За тысячу лет
Ледяного молчанья
С тобой тот же свет,
В твоих волосах серебрится
Лунная осень.

Дрожащая мантра

Скандалит поздняя нагота
Осеннего настроения,
Ноябрь ликер разливает тоской,
И наше спасение
Ждет нас не там,
Где мы оказались с тобой.

Заучены песни до дыр
Ветров судорожных,
Вечер склоняется тьмой,
Кисель фонарей,
Затянутый стужей
В лед,
Освещает немой
Уличных пастбищ размах.

Срывается голос осколком надежды,
Виноградным сердцем Вакха
В груди
Качаем вино по сосудам нежным,
Одежды, одежды, больше одежды,
Дрожащая мантра бледной зари.

Во мне твой свет

В этих глазах я когда-то нашел
Оправдание хрупкому миру,
Они так полнятся в небесный хрусталь,
Что мир не мог стать другим.
К этим губам я когда-то пришел
Изобильем заснеженной мили,
Но выпив их солнца, отбросил вуаль
С прекрасного сердца весны.

Иррациональное Дао

Тень Лао-Цзы
Спит на холмах
Волости Ли.
Легендой о "старом младенце",
Сыне "нефритовой девы",
Разносится лютня воды.
Дракон Поднебесной
Слушает сердцем
Песнь надеяния
О воплощении Дао.

Дао, что обличает
Себя в эфирных словах,
Не есть неизменное Дао,
Имя, что может осесть
На легковесных устах,
Не есть непрерывное имя.
Поэтому, тот, кто волен над страстью,
Тот знает великую суть,
Поэтому, тот, кто в жажде бессилен,
Лишь носит конечного пульс.
Дверь ко всему феерическому
Есть перевод глубочайшего
Из одного в другое.

Осознание линии холода

Не уходи, не превращайся в плачь
Дождей свинцовых,
Не забывай, затменья глаз не прячь
В глубокой ночи.
Под сердцем призрак ждет восстанья
Памяти бессонной,
Я это небо снова пролистаю,
Чтоб найти твой почерк.

Лишь сохрани, лишь удержи по ветру
Озябшее тепло,
Лишь иногда луной туманной бреди
В сторону мою -

Слепая сторона.
Мы еще встретимся, пророчит боль,
Я знаю сто,
Сто шансов на любовь,
Пока не позабудем.
А значит, не забудем никогда.

Возбуждение невесомости

В атмосферных фронтах ароматом сирени
Облака шерстяные полощут весну,
Собирает вода фильтром медной капли
Черный снег, его горечь слизну.

Мандариновым солнцем впивается день,
И растет теплокровная ночь
Воздыханием звезд в медолюбивый катрен,
Ты плывешь, я тоже не прочь.

Ты паришь ожиданием теплых молитв,
Прививая закат и рассвет,
Твое хрупкое сердце весной болит,
В нем жар моря, я тоже согрет.

Небесный лед

Скучает зимы седина
В голодном до зелени смоге,
Стирая на сердце дороги,
И ночь поднимая со дна.
Мы грезим остатками солнца
В расколах небесного льда,
Застыли в глазах зеркала
Его тишины,
И смеется
Унылая вьюга в груди.
Под снегом задушено слово
Псалмов огнегневных,
И кома
Сползает в дыханье любви.

Сливки теплого вечера

Сливки теплого вечера
Собираются в сгусток любви.
Ты пьяна безнадежно желанием,
И вслед за тобою беспечная
Луна проплывает вдали,
Вдали, где я жду у костра
Твоих обожженных губ,
Твоих безудержных глаз.
Сливки теплых минут
Собирает в сердце весна.

Монблан

Раскрепощенная лазурь
Встает над белизной альпийской,
Предел французский, италийский
Рубеж.

В гранит лилейных бурь
Слились горбатые утесы,
В зеленых заголовках леса
Звенит речная поэтесса,
И солнце нежится в плену
Изгибов волн и спин заснеженных.

Внизу
Ползет туман меловым соком,
И сон молчанием глубоким
Разносит шапки облаков,
Пока душа таит любовь
В тени скалистого порога.

И только смиренная флейта

В полночную медитацию
Спускается тьмы водопад.

На плечи ложится стагнацией
Межзвездный эфирный заряд,
Взрывающий стылое небо.

И тысячи жалящих искр,
Клжют непроглядное тело,
Змеясь в горизонта карниз.

Запачканный лунным лаком,
Замешан в смуглый фантом.

Впиваются в ноздри маки,
Сбивает сумбурностью сон.

И только смиренная флейта
Какой-то далекой веры
Молчит звездой неприметной
В созвездии черных мистерий.

Аффективная психоделика воды

В намыленной овчине облаков
Спешу дождями накормить пустыню глаз,
И засуху прокуренного горла.

Придавит улицы раскисших луж атлас,
Блеснет души стальное отраженье,
И нам привидится дыхание покоя
В руках любимой.

Серебром движенья
Мы откровенье уместим дождливых фраз,
Мы донесем алмазное броженье
К подножию уставших и немых,

Пусть хоть на миг
Вдохнут живого слова.

И в ожерельях
Порванных небес
Водой накатит вздох,
Вам будут веры и надежды подношенья
Из уст того, кто сердце в вас обжег.

Пейзажные зарисовки дхвани*

В купальне рябиновых зорь,
В фиолетовой снежной вечерне
Обнаженной зимы,
Ветер-вор
Поливал тишину,
И одежды
Обрывал с озябшего неба,
Унося облака в дальний стан.

Хлопком туман вышивает
На озере Пхеватал,
В прозрачную гладь
Отражением
Падает горный аврал.
Сведение
Неба и тверди подлунной
В пространстве безвременья.

В Долине смерти
На дьявольском поле,
Песчаные дюны ласкает
Лунная ночь.
Безжизненным морем
Смотрит сухая
Природа
В глаза подсвеченной тьмы.

*дхвани – санскр., буквально – отзвук.

Зодиакальный свет в вечернем благовесте

Зодиакальный свет в вечернем благовесте
Свалился на зениты куполов
Смиренной легкостью.

За колокольным треском
Приспущен нежный воздух
В разгуляй.

На nive жара полевых духов
Прохлада хлещет умиротворенья,
И свечи лета раздувают искровую
Лилейных звезд.

Господь глядит устало
На вдохновение
Громады атмосферной,
Обернутой медовыми псалмами.

Ромашковым отваром облаков

Ромашковым отваром облаков,
Да сахарно-малиновой зарей,
Обжог глаза.

Стою в незрячей неге,
И это все любовь,
И это все со мной,
Прозрело в слепоту.

Связал
Огонь дорожный
Звезду
Плодоносящую Софии.

И хмелем чистым вызревает
Гармония
Обугленных полей,
В карминных минералах зорь,
В закатах вешних.

Прибуди моей,
Пройди сквозь узел сердца
Охватом гор.

Я уже знаю
Сто дорог в надежду.

Находящая Адониса

Ты любила собирать цветы
И дышать вечерним вдохновеньем,
Ты носила светлое стесненье
За улыбкой солнечной весны.
Мистицизмом уличала взмах
Встречных ветров
Да берез молочных,
Ты любила собирать цветочный
Аромат весны.
И на губах
Оставлять органику ручьев,
Хороводы расплетать лесные,
Под белесо-облачной пушиной
Ты сводилась в светотень цветов.

Лица багрянец жжет истерикой метель

Лица багрянец жжет истерикой метель
И падает под ноги лужей вязкой,
Такой ноябрь, так осени развязка

Сошлась в тумане мрачных фонарей.
Течет толпа, исполненная спешки,
Машины роем оплевали перекрестки,
Взъерошенный зефир рвет под одеждой кости,
Глаза в асфальт и дрожью неизбежно
Струится гнев простуженных эмоций
На эту слякоть непогоды сердца.
Такой ноябрь, так осенью пригрелся
Дождливый шторм метелицы раскосой.

Гимны вольных хлебов

Хрустальный бокал солнечной браги
До дна, до дна!
Хмель золотой да синяя влага
Небес видна
В полдне цветущем,
Тянет дорога
За горизонт,
Ветрам послушны,
Ходим под богом,
Всяк без забот.

Мир расплескал вселенские краски,
Косим любовь
Верой и правдой,
Пока не погаснут
Пьяные звезды вольных хлебов.

Вольного хлеба свободная житница
В скуку войной,
Вечное небо лихом кружится
Над головой.

Восхождение Ницше

Декабрь пылает льдом созвездий,
Демоническое свечение холода,
На столе бумага, чернила
И острое лезвие
Мысли, вином одиночества
Раскованной.

Со стены глядит призраком Босха
Искушение святого Антония,
Застывшая поза
Внутреннего созерцания,
Средь апокалипсического поноса.

Поэзия звезд прилипает к горлу
Хриплой струной,
Адским нервом.
Ночь впивается в кровь
Гремит железной тьмой,
Познает свою иррациональную Волю.

Декабрь наливается свинцом
Голографических лун

В лабиринтах зеркальных объятий,
На столе музыка хриплых струн,
Да острое лезвие
Мысли, распятой в своем восприятии.

Лига неприкаянных

У святой воды
Бьет ключом елей,
Да живет любовь
Меж оливковых рощ,
У моей беды
Сотни сыновей,
Да один приют
Темноброва ночь.

На далеком дне
Жемчуг, серебро.
На седых волнах
Месяц золотой,
А в моем окне
Неумытый двор,
Да костров угли
На траве густой.

У святой воды
Благородный свет,
Ветер шелковый,
В мед заправленный,
У моей орды
Степи да рассвет
Во туман слепой,
Окровавленный.

Затмение пополам

Стотонной любви багаж
Переплетаю сердечными жилами,
Пусть ночь водой сливает шабаш
В глаза непогрешимости.
Я раскурю дремучие сны
Приправой безумств безбожных,
Пусть женственность хлещет ручьями весны
В объятия неосторожные.
Взирают алчно стыдом закованные
В бесстыжее зелье уст твоих,
Любви багаж потрошу стотонный,
Имею право,
Чувствую.

На ладонях снег

На ладонях снег,
Как век
Неспокойный, маетный,
Все глядится в бег,
Брег

Теряет,
Горизонты путает,
Да аukaет
В холод.
Словно снег
Суетный,
Рисуемый
Вьюгой
Да другом
Северным,
Ветром отбеленным,
Ветром хлестким.
На ладонях блестки,
Как известка
Душ потерянных,
Неуверенных
В боге,
В себе,
В любви,
В беде
Промокших,
Прошлым
Отброшенных,
Будущим
Невозможных.
Так и мающихся,
Как снег на ладонях
Тающий
В агонии,
В надежде не подающей.
А за ними дом,
Днем с огнем
Не същут,
Не выщупают
Его окон,
Блоков,
Соков
Сладких
Безмятежности.
Просят нежности
Жесткостью,
Не пространства
А плоскости,
Не любви,
А тщеславия.
Слабая,
Слабая вертикаль
Срублена
Под корень,
Под век.
В небе море,
А на ладонях снег.

Нефритовое море

Нефритовый залив
Сосновых изваяний
Элегией свежести в бронхах сквозит,
Умоемся хвойной тоской

В прохладную тень.
Кифарою Феб лучезарный
Наполнит вакуум лесной,
Сойдя в окружении нимф
В последних богов полдень.
Небес царственных лень
Опустит сапфировым свитком
На дольнюю пашню весну.
Из пены морской Афродита
Опять возвестит красоту,
И плодоносящую волю
Воды в нефритовом море.

Блеф осенней души (Аморфное насыщение)

Отбросить все и жить, не зная горя,
Блаженной поступью слепца,
Без поиска, без жажды своеволия,
Не видя жизнь, не ведая конца.

Склонять глаголы чужеродных истин,
Не биться в кровь об опыта шипы,
Не покорять, а ползать низко-низко,
Чтоб не открыться страхом высоты.

Больные дни лечить железной негой,
Скулить друзьям о происках в сердцах,
И запрягать скрипучую телегу
В петлю "как всех", достойных на местах.

Отбросить все и разложиться тенью
По улицам конвейерным в балласт.
Кому ты врешь, то блеф души осенней,
Не больше и не меньше в этот час.

Сиддхартха, познающий собственную смерть

Сиддхартха сидит под банановым деревом
В тени несовершенного мира,
В огне четырех благородных истин.
Сиддхартха сносит аскезой умеренность,
Сиддхартха царским покоем призван,
Но только желание близко,
Но только правда брахманов крива,
Но только страдание вечным капризом
Сердце вселенной скрывает под пылью.
Сиддхартха ищет самоубийства,
Самоубийства Я.

Импровизация на фоне дождя

Импровизация на фоне дождя.
Танцоры-блики,
Гусли-всплески,
Хрустальной подвеской
Струны воды,
Как свист соловья

В духе промокшем.
Живая вода.
Больше, больше!
Дышать, дышать
Травянистой бодростью ветра,
Змеей земля,
Метки,
Следы,
И плывущая в небо душа.

Нежность моя, о тебе лишь радуется

Нежность моя, о тебе лишь радуется,
Имя мое, лишь тобою озвучено,
Магия цифр сошлась в многозначии,
Когда тобою обрел свою участь.

Кто же ты, алая прелесть рассвета,
Что на губах твоих солнцем раним?
Кто же ты, легкое облако лета,
Что просочилось дыханьем твоим.

Слабость моя – медитация ласкою,
Воля моя, лишь тобою приручена.
Кто же ты, милая, сладкая, ясная
Песня моя в искренний случай?

Узнай меня лучше

Я река – текучее и неизменное,
Я небо – необъятное и созерцаемое,
Идти и идти, не оборачиваясь, не вглядываясь,
Мгновением
Оттачивать намерение и познание,
Вот моя первая и последняя благородная истина,
Вот мое извечное правило.
Чтобы тебе было проще, назови меня мистиком,
Но чтобы быть проще, ты должен знать главное,
А главное в том, что я, лишь одна видимость
В твоём восприятии, в конструкциях мысли и опыта.
Поэтому между нами не может быть близости,
И я говорю, я река безбрежная и полноводная,
Поэтому я говорю, я небо бескрайнее и неприступное.
Узнай меня лучше, но я для тебя всегда
Другой и другое, чем в истинном свете звезда
Моего восхождения к миру святого безумия.

Перекрытый в закатной пыли

Перекрытый в закатной пыли,
Поседевший сумраком вечерним,
Рассыпался солнечным печеньем
В горизонта лед.
Свечой застыли
Твои грезы и томленья света,
Мой собрат, зарею опаленный,
Перезвоном пепельного ветра

Зачарованный и сладко упоенный.
Перекрытый красным следом неба,
Покоренный тишиной раздутой,
Рассыпался в поле теплым хлебом,
В хмель златой тропой переобутый.

К Винсенту

Плавает,
мечется,
беснуется,
жжет,
бредит
и падает
откровением красок,
дрождью
безразмерного
одионочества,
элегантнои капризом,
пламенное,
драматическое,
протестующее,
болезненно-напряженое,
порывистое,
в контрастах цвета,
в свободной динамике,
творчество
сына пастора,
художника,
смертельно раненного из револьвера
душевного кризиса.

Последний огонь

Господи, объясни мне
В какой стороне безумец,
Что видел Тебя.
На севере или на юге,
В дорожной грязи
Или с улиц
Он смотрит на мир.
Я слышал крик соловья,
И он говорил о простуде
Не веривших в Свет.
Но в бледных пещерах могил
Еще сохранилась память
О тех, кто Тебя
Знал сердцем безгрешным,
И робкой печалью просил
О нас безутешных.
Господи, расскажи мне
В какой стороне мне плавать,
Чтоб пить из Тебя.

Режь по живому

Я творю в своем пространстве,

Грязной лапою не лезь,
Не учи меня, засранца,
Стилю, ритму, строю мест.
На искусанной картине
Кожи матушки-души
Швами штопал я малину
Дыр кровавых, ты не рви
Этой нити свежий воздух,
Серебро моей страды,
Не в надел мне чей-то посох,
Я склоню горб у беды,
Окунусь в ее засолы
Да раскинуся петлей,
Я творю своим простором,
Нервным словом холостой,
Пьяный, вольный да не в блеске
Позолоченных судей,
Пусть кривится слух до треска,
Мне, убогому, елей
Сладострастных песнопений -
Сто мозолей в лоб да в бок,
Безмятежное паденье
Все честней, чем стадный столб.
Я творю в своем бараке,
Заходи, вино сдавай,
Мне рецензии собаки
Отписали в дружный лай.
Обещали тут бессмертья
Стоны классиков, гляжу,
А ко мне приплыли черти,
К черту, бесы, согрешу.

Янтарно-лазурный Христос

Желтые шапки церквей
Расцелует синяя сдоба,
Хрупкого взора сень
Заломит сердечной тоской,
Неба шаткая хата
В сердце выплеснет Бога,
Да на крестах развесит
Ветров свинцовых покой.
Молитвы дряхлых костей
Учуют колодцев ноздри,
Святою водой постель
Калека-душа заправит,
Желтые шапки церквей
Расстреляют синие грозы
Обнаженного неба Христа.
Дай мне, Боже, сил не ослепнуть.

Летопеснь

Печкою румяной солнышка
Выходило утро в полжшко,
Мошкаркою облака туманил
Летнего заполя боженька.
Горемыки ветры красились,

Забулдыги тропы маялись,
Под рубахой синею, штопаной,
Сердце колокольчиком сваталось
За отраду реченьку полную,
За траву, распущену золотом,
Собирались песни цветочные
На щеках ручьями медовыми.
Свечкою румяной солнышка
Выходила душенька в полшшко,
Сеяла под кожей ветерком
Летнего запоя кровушку.

Накрахмаленные мальчики, обезвоженные девочки

Накрахмаленные мальчики сидят за столом,
Обезвоженные девочки любовь продают,
Душа пряника ждет, да наелась золой,
Подворотней срыгнула в чумазый приют.
А на светлой иконе поют небеса,
Вспоминаем о них не с чиста, а с греха,
Потому-то, наверно, разбили Христа
На свое - не свое, где вода, где уха.
Озверевшей шпаной набиваем бока,
Звонарем оружейным несем мир войной,
Сердце просит, да косит, да льется в стакан,
Пусть напьется печалью осенний собор.
Накрахмаленные мальчики жуют, не живут,
Обезвоженные девочки любуют, не любят,
А на светлой иконе молитвы поют
Небеса, проглотившие жадную пулю.
Не скупился Господь, раздавал по любви,
Принимали в уста, возвращали в клозет,
Но не плачь о себе, от себя не беги,
Где-то там завалился непрошенный свет.

Не порвешь струны, не сыграешь

Синий лед небесами продавишь,
Флейтой сиплой высосешь дождь,
Не порвешь струны - не сыграешь,
Не охрипнешь душой - не споешь.

Солнце пухом багряным застелишь,
В слово ясное ночью смолчишь,
Не полюбишь с болью - не встретишь,
Не найдешь от греха - не простишь.

Синий лед барабанит по крыше,
Флейту ржавой водой напоишь,
Горло в плачь не сорвешь - не задьшишь,
Сердце в прах не спечешь - не откроешь.

Белоснежное имя

Всякому дереву свой плод,
Но я выбираю тебя,
Всякой звезде свой свет,

Но я выбираю тебя.
Я буду верить в любовь,
Даже если любовь умрет,
Я буду греться о черные угли,
Даже если не будет огня.
И память сердца – священная мать,
Обратит мое время вспять,
Обратит мою душу в пульс,
Ведь я выбираю тебя,
Твое белоснежное имя,
Я в шепот его вернусь,
Я в крике его звеня
Обрушу колокол синий
Небес к пыльным ногам,
Они, небеса, еще не забыли
Твое белоснежное имя,
Твое белоснежное имя
Да твой разрушенный храм.

Эх, душа березовая

Эх, душа березовая
Да сердце рябиновое,
Как же вам непросто
Преть болотной тиною.
Кудри золоченые
Солнца расписного
В хмурь ночи вколочены,
Скручены золою.
Молодость бесстрашная
Съежилась морщинами,
Под венец опавшая
У глухой могилы.
Эх, душа березовая
Да сердце рябиновое,
Очи наши слезные
Насадить б на вилы,
Да прозренье чуткое
Мается за смутю,
Верует и чувствует,
Карты гнили путая.
Распишусь озерною
Синевою взгляда,
Эх, душа зазорная,
Что ж ты, тварь, не рада.

Дай мне огня, развяжи мне руки

Дай мне огня,
Развяжи мне руки,
В моих жилах пророчит любовь,
В моем горле застывшие звуки
Стихов
Резьбой впиваются в тело разлуки,
В вечную память о временах
Солнечных роз и поющих молитв.
И если болит, значит живо,
И если по жилам

Имя твое
Бьется в агонии,
Только скажи огню,
Только порви веревки,
Я сгорю,
Я разброшу объятья
На тысячи миль
За твоей одинокой крылатой заботой.
Дай мне огня
Свободных ладоней,
Дай мне право
Любить.

Красота ты моя нагая

Красота ты моя нагая,
Необузданная, неприрученная,
Изумрудная гладь степная
Да небесная синь дремучая.

Пелена ты моя непроглядная,
Раскудрявая, беспризорная,
Шелкопрядом лесов обрядная
Да полей янтарем раздольная.

Старина ты моя исконная,
Драгоценная, заповедная,
Песнь речная, блудная, вздорная
Да душа свежим ветром пленная.

Красота ты моя нагая,
Неприметная, позабытая,
Опьяненная гладь степная,
Под лазурью небес сокрытая.

Ночной певец

Догорает вечер,
Лунный камень брошен
В пустоту вселенной.
Черный дым излечит
Жар дневной палитры.
Спустится по венам
Тусклым серебром
Звездная молитва
Да зальется ветром
Таинство ночи.
Лишь глаза поэзии
Режет вдохновеньем,
Обрывая мрак,
Бродит ходом крестным
Зарево души,
Ищет в тенях знак,
Знак благословенья
На строку больную
Певчего в любовь,
Там в кромешной темени
Солнцем разрисует

Прорубь тишины
Друг крылатой девы.

Истина огня

Я знаю тысячи фраз,
Но все они пусты перед молчаньем глаз ребенка,
Я знаю тысячи песен,
Но все они молчат перед дыханьем океана.
Когда для нас
Закрываются двери всех дорог, я знаю тонкий
Путь воскресный
В молитве гор под небом звезды ранней.
Я знаю меру,
Что отмерит золото и шелк,
Но не измерить ей
Сердце, влюбленных безоглядно.
И я робею
Когда бьет в лицо закатный смог,
И я поверю
Только этой истине огня.

Давай разведем теплым медом

Давай разведем теплым медом
Настойку холодной зимы,
Давай укутаем руки в огонь
Поэзией памяти летнего сада,
Сбежим от раздавленной, мертвой природы
Простуды луны,
Пойдем на поклон
К горячему сердцу любви.
В ночном шоколаде
Растопим звездный коктейль
Да выпьем искрящую жизнь
Глазами святого безумья.
Поверь,
Тем, кто познал лучистое в сердце
Небо само прорисует
Тепло акварели на вышивке льда,
Тона сокровенных цветов
Преступной солнечной мессой.

Беспокойное время стихов

Беспокойное время стихов
Все сочтется влагою стужи,
Уходи, не томи за любовь,
За душевные ребра наружу.
Исписался я в клочья, устал
Исповедовать сопли бумаге,
Греть холодные дни у костра
Из поленьев души-бедолаги.
Мне на лоб прилепился туман
И в глаза изливается ладом,
Я рябиновым соком плевал,
Я спивался черёмушным ядом.

Как умел разгребал пустоту
И в живое закатывал вежды,
Я верстал за верстою версту,
Чтоб плескать по стаканам надежду.
Но напился, наелся, простыл,
Опротивел, забился под маты,
С языка осыпается пыль,
Да гортань распухает под ватой.
Я сижу на приеме в любовь
Перед богом в больничном халате,
Беспокойное время стихов
На меня одного ее хватит.
Ты живи у других сторожей,
Не серчай, забегай выпить чаю,
Да стекай маслом солнца с ножей,
Что меня рубцевали, прощаю.

Я - волк

Сапогом втоптали в снег,
Черный снег, кровью выжженный,
Жуй студеное, перемалывай
Глоткой сдавленной.
Я униженный
Травлей подлюю,
Спину гнуть под облавою
Не привыкший,
Воем ярым
Взвею к лесу духом гордым.
Я свободный, что ж ты жмешь,
Что ж ты скалишься,
Человечья шкура пыльная,
Сети я твои прогрызу душой
Вольных рощ,
Ветров сытых.
Ты останешься
Во сырой земле
Гнилью, плесенью,
Я ж пойду гулять
В кроны дикие,
Хоть скрути меня, я в заламах весь
Вывусь песнею
На природу-мать,
Многоликим
Духом вольности -
Цепи в ключья.

Вот и ночь взошла,
Окрестила тьмой,
Я сорвался в даль,
Разогрет луной,
Не сдержат тугой
Чередой мой хлеб,
Хлеб дорожных скал,
Родников души
Холод лютый.
Соскочил домой,
Снежной мглой
Ожил,

Нюх лесной задрал,
Да в огонь укутал
Звездных острых жил
Взор серебряный,
Золотом луны
Подпоясанный.
На тропе исходной
Криком раздробил
Стену тишины
Праздный брат лесной,
Снова ветреный,
Льдом обласканный
Да свободный.

Саморожденная вера

1Будем плотью голодны
Да духом сыты,
Будем слухом бедны
Да сердцем остры.

2Не во всяком найдем утешения,
Но во всем увидим себя.

3Если колени твои слабы,
Преклони их свету
И обретешь силу праведную.

4 нельзя веру насадить принуждением,
Нельзя верою обречь насильственно,
Но любовью и милосердием,
Но состраданием и добродетелью
Пусть жительствует она в сердцах людских
По велению добровольности усердной.

5Станемся скромны в исповедании своем,
Кротки в доказательности его
Да красноречивы в делах подлинных,
И очевидны в любви истинной.

6Прозреем в достоинстве неба
И да усомнимся в мире лукавом,
Чтобы обрести спокойствие на земле
Десницей небесною,
Чтобы в ожидании неба
Созревала надеждою подлунная
В духе горящем, нетленном, совершенном.

7Храм солнца твоего
Облеки золотом сердца,
Принимай все сиянием безропотности его
Во имя любви огненной,
Во имя веры истинной,
Во имя надежды примиряющей.

Мама, послушай, твой сын, как дворняга

Мама, послушай, твой сын, как дворняга

Скитается сердцем в помойках того, что вы
Записали мне в жизнь.
Мама, ответь мне, родная,
Где это царство небесное солнца,
В котором выжжены войны.
Мама, ты помнишь мою колыбель,
Мой крик и глаза, словно чистое небо
Да свет у окна,
Что согревал мою тень
И ложился на сердце
Звездной росой.
Мама, я позабыл твои руки,
Я бросился в путь, как бешенный пес,
Знаешь, родная, твоя наука
Лаской любви –
Это все, что нам нужно вернуть
В эту чертову жизнь.

Чувствуйте!

"Не" с глаголом – раздельно.
А если слитно?
Что, пробирает?
Уже слышу негодование отдельных.
Это хорошо
Когда эмоции заряжают
Калибром живым.
Мы им – слитно,
Они нас в "грамотеи",
Наконец-то вас видно,
Сердца, души вспотели
Чувством!
Ощущением!
А то засели
В пыльные пиджаки.
Просыпайтесь!
Мы дураки
Вас научим дышать
Чистым хмелем.

Черный блокнот (из цикла)

Он страдает,
Потому что видит в человеческом
Только человеческое.
Но ведь должно быть что-то еще?
То, что кольшется ветерком
На кончике алого лепестка,
То, что лучом скоротечным
Восхода опалывает скол горизонта,
И на уста
Опадает медом и золотом
Поцелуя любимой.
В его горле ком,
Пульс в его висках
Неровен и остер,
Как стальное жало разлуки.

Он страдает,
Потому что видит в людях
Только людское.
Но ведь должно быть что-то еще?
Немое
И в тоже время во всеуслышание
Провозглашающее любовь,
Бессмертное небо в глазах
Любящего сердца.

Умри со мной в одной постели,
Я научу тебя любить до капли последнего издыхания,
Я научу тебя быть проще,
Жить, верить,
Верить и жить осознанием
Смертельной любви.
Умри со мной в одной постели,
От дикого просветления
Ночи.

Она подтянута, шикарна, деловита,
Она придумала сказку
Для глупеньких девочек,
Она блистает в свете серой толпы
Безнадежных романтиков,
Она недоступна простой ласке,
Ее тела достойны, лишь патриции,
Ее душа принадлежит, лишь аристократии духа.
А вечером, она плачет,
Она рыдает
Над собственным ледяным панцирем,
Над черствой коркой потребных связей.
Он покупает сама себе цветы,
Оно алчет
Накормить подруг своей сказкой,
Которая с каждым днем превращается
В железный капкан.
Она возвращается к себе
И видит лишь пустоту,
Души мокрое полотенце.
А в окне
Звезды,
Не для нее возбуждают
Палитру сердца.

Опыты бессознательного. На грани (из цикла)

Я преступаю черту,
Я смотрю, что там творится
За горизонтом видимой условности,
Я преломляю небо,
И в глаза льется струя солнечной воды,
Я подношу спичку к зрачку
И взгляд вырывается
Из темноты пещеры лживого Эго
Птицей, легкой, как ветер,

Стрелой, неисповедимой, как Господь.
Я преступаю черту,
Я тону в невесомом восприятии
Нового дня, освещенного неизведанным,
И оттого прекрасным,
Как румяная плоть
Заката.

В моих снах
Тяжелой луной
Опускается сессия ночи,
Я вижу серебряный путь
На густых, черных коврах
Многоточием звездных клякс.
Сочные гроздья свежести
Питают душное сердце,
Влагой пустого пространства
Омывается нежность
Пустыни дорожной.
Можно кричать
И никто не услышит,
Можно резать вены,
Никто не проснется.
Все ближе
Пропасьт ума,
Бездонное свойство вселенной.

Солнце в синих простынях
(Дикая ухмылка света)
Обстрекало спину желтым,
Лучезарным стеблем полдня.
Я изжарен пеплом неба,
Я томим сухим прибором,
И затрешиной дождя
Бредит разум, сбитый с толку.
Плачь, небесной кладовой
Страж хрустальный,
Плачь, скули,
Видишь, воля на мили,
Я сдыхаю от пожара
Трупных ядов городских.

Сделай мне больно
И я напишу тебе о любви,
Я расскажу тебе о молчании
Рожденном в бессилии.
Отрежь кусок прошлого
От мягкой ткани души
И брось его мне в лицо,
Уходя в свободное плаванье,
Но только вначале прочти
Кривые буквы в блокноте моих седин.

Часть 2.

Псалмы разлитого полдня

А мне захотелось в ключья бумагу

А мне захотелось о тебе написать
без ритма, без рифмы, без слов,
А мне захотелось о тебе написать так,
как не писал не один сумасшедший,
А мне захотелось, чтоб кто-то сказал –
не видит краев,
А мне захотелось нервом тянуть
твою скоротечность.
А мне пружину под сердце загнать,
я б выстрелил сладко,
А мне бы еще одно небо на грудь
взвалить твоей далью,
А мне бы...а впрочем...чего говорить,
слова, как заплатки,
Скрывают стыдливо горячую масть
бумажной вуалью.
А мне захотелось в ключья бумагу,
словам швырнуть ветер,
А мне захотелось ожить для гибели
твоей картечью,
Я знаю..бесспорно...чего говорить,
лишь ближе на метр,
Но все же еще один метр-убийца
в движенье по встречной.

Будь ближе в ночь

Пойдем в дом,
Я разведу огонь,
Я укутаю твои руки
Покрывалом цветущих трав,
Я омою веки росой,
Собранной ранней молитвой,
Я прогоню шум,
Весь, до последнего звука,
Из музыки тишины..
Я буду искать твое сердце
Под сенью звездной палитры,
Что окна объяла блеском
Железного холода ночи..
Я разолью вино,
Мы будем пить безмятежность
Усталых мгновений..
Будь проще...со мной..
Будь ближе...со мной..
Будь нежность...

Сартр открывает сезон

Сартр садится за стол,
Мукой и принуждением,
Клейким лакомством и дурнотой
Интенсивность ложится в текст..
Сартр льет избыток хаоса
В тетрадь напряженной души.

Круиз в откровенность,
Нравственность буржуа
В умелых руках палача,
Дерзость мысли в сознание свободы ...
Разрушительное созидание
В охоте за миром реальности,
В ловле природного опыта
Жизни внутри тела абсурда...
И Сартр садится за стол
Отдельного человека,
Сартр открывает сезон
Отдельного существования.

Добавь в меня лилий

Добавь в меня пробуждение
Чувственных лилий
Поцелуем зари опаленной.
Оставь возлияния ночи,
Раскрой это небо шире
Молитвой проточной
В цвета вдохновенного спектра,
В постель, укрытую влагой
Прибоя рассветного.
Мешай кофейную гущу
В глазах наготы перевозданной,
Что светом задета.
Я люблю, когда ты хрупка
И ленна в поэзии ранней,
Как южные тени.
Я люблю, когда ты легка
И пьяна цветочным вином
В своем вожделенье
Нового дня.

Можно прыгнуть в теплую ночь

Открой глаза,
Бешенный ритм моего сердца
Не даст тебе больше уснуть.
Открой глаза,
Мы под присмотром каменной ночи
Будем плясать гольшом в призрачных тенях,
Твои небеса, мои небеса –
Одна бесконечная полоса
С которой свернуть только в бездну.
Хочешь, свернем,
Может, свернем?
Там интересней
Чем здесь
Среди душных окон и одеял...
Околесицей
Скатится разума стойло
К подножью кривых зеркал,
Искаженных мотивов и черт...
Беспробудным прыжком в тебя
Я осыплю глаза вожделеньем,
Я сожгу последнее "нет",

Чтоб тобой разбавить вино,
Чтоб тобой избавить себя
От себя же, как первого бога...
Если открыть окно
Можно прыгнуть в теплую ночь,
Прикурив от звездного дыма,
И сойтись на одном во многом
Я любим и ты любима...
Превозмочь,
Побороть,
Не пытайся,
Ты пойми,
В этом вся ты,
В этом весь я,
В это все мы..
Без грима.

Блюз вечерней звезды

Научи меня ходить по песку,
Не оставляя следов,
Покажи мне, как ходить по песку,
Не оставляя следов,
Мне кажется, ты знаешь
О чем поет вечерний ветер,
Целуя закат.

Расскажи, какого цвета огонь
Твоих вечерних грез,
Нарисуй, какого цвета огонь
Твоих вечерних грез,
Мне кажется, ты знаешь ответ
Кто написал закат
Горячей палитрой.

Отведи меня вслепую туда
Где начинается ночь,
Проводи меня вслепую туда
Где начинается ночь,
Мне кажется, ты знаешь узор
Южного сна,
Расшитого звездным небом.

Псалмы разлитого полдня

Чувствуешь, как пахнет весна,
Как спелые розы в твоих волосах
Запутались лаской ручьев,
Как ненасытна их красота
Простоты гениальной природы
До преклоненья к тебе,
И твоей погоде
Солнечных писем апреля,
Как они верят
Твоим глазам, остывшим в грусти священной..
И весны ощущение
Спускается в твои объятия,
Как оно кстати

К твоей улыбке, пронизанной далью,
Красочной далью сердца...
Знали бы,
Знали бы только руки, нежность твоей любви,
Спасение от пустоты и бегства, запах свободы,
Пламенной вестью
Сгорели б тогда уста,
Что поют о тебе псалмы
Разлитого полдня.

Какие тонкие струны

какое хрупкое равновесие,
какие тонкие струны,
не порвать бы, не оступится...
нет, лучше не думать и отвесно
соскользнуть в межлунье,
без теней, без лиц,
только то, что дано свободой,
осознание любого шага
в любом направлении,
желание полноводного
наполнения сердечной фляги
целебностью нетерпения...
какие призрачные строки,
пылевидные отголоски,
не сдунуть бы острием языка,
единым блоком
выстроенные наброски
не стереть бы штрихом осеннего листа...
какое сладкое обольщение
с горчинкой прошлого,
с примесью нежного настоящего
беспроводного...
не пресыщения,
не пошлости,
только что-то рядом парящее...
и кажется родное...

На золотом нерве

на золотом нерве
колеблется теплая связка чувств,
растворяется день
и ночь прорицает в сонный проем...
все идет чередом,
мыли в ветр сметены,
с неба блеском Венеры
чей-то взгляд,
чья-то тень
рядом незримая,
и я знаю, что это ты,
и я знаю, что это сон
обреченный реальностью..
подбираю хвосты
комет,
и бреду в свою лунную топь...
согревается

сердца ствол,
да души разгоняется сокол...
на золотом нерве
живой полет
безмерного,
я иду мимо твоих окон...

Я прочитаю по знакам

Я прочитаю по знакам
голых ветвей в тревожном волнении,
Здесь обретает весна
второе пришествие твоего ветра –
Холод, что согревает сладким
предчувствием встреч, где все звеня
вновь соберутся от сна
единым куплетом яркого света...

Я разложу по нотам
встречных шагов незримую поступь,
Так приходишь, лишь ты,
обручив звуки лесного шатра...
Жар, что осушает болота,
и в хмель раздирает воздух,
в твоих руках остается святым
прикосновеньем тепла...

Здесь бродят пьяные боги

Добро пожаловать в мою преисподнею.
Здесь бродят пьяные боги,
Здесь сны заплетаются в диком бреде,
И каждый свободный шаг,
Как в пропасть прыжок.
Здесь светится ночь
Огнями далеких миров,
Здесь любовь
Замешана в сладкие грезы,
Здесь розы плещутся запахом солнца,
И стонет неистовый ветер души.
Здесь каждый грешит участием неба
И холодом вечной зари.
Смотри и учись,
Как сгорать изнутри,
И снова рождаться в весенних раскатах
Агонии чистой любви...

Вечерний шлейф сползает черным змеем

Вечерний шлейф сползает черным змеем,
В объятья улиц падает свеча
Немой луны, вино в бокале греет
Вакханки шепот, из-под звездного плаща
Глядит устало архитектор неба.
Она бредет по тонкой колее
Своей судьбы, листая дар бесценный –
Ложиться страстью в прах ночных сетей.

Кричит огонь, свистят ветра открытий,
Она сбивает шаг в полночный джаз,
Она скользнет по лезвию событий,
В который раз сгорев, в который раз.
Вечерний шлейф садиться смуглой птицей,
Сласть разбивает ее волосы в янтарь,
Она умрет с рассветом, чтоб присниться
Объятьям улиц, где в тенях справляют бал
Поклонницы горячей вереницы
Лукавых звезд...

Виноградным напитком твоих поцелуев

Наполняя чашу эмоций
виноградным напитком твоих поцелуев,
что пропитаны летним солнцем
и осенним рисунком дождя,
словно собственным сердцем рискуя
на закланье слепых перекрестков,
я вбираю движения дня
многоцветным безумством любви.
Я парю над обыденной версткой
шрифтом злата в страницах огня,
в ожидании трели звездной,
что уронит ночная стезя
в мои сны о тебе...

На склонах горного застолья

На склонах горного застолья,
где пир ведет
змеиное раздолье
речных бравад,
среди косм лесных,
что малахитом режут взгляд свободный
и троп глухих,
сходящихся беспутьем грустным,
там я гулял душой богат
и сердцем нерушим искусным...

Там каждой ветреной пылинкой
любовь дышала,
и лежало
в груди моей чистосердечье,
без диалогов, без наречий,
молчанием небесной бездны,
там собирались воедино
восток и запад, север юг,
там все вокруг
кружилось мирно
воспламеняя ясный дух
крылатой вестью..

На склонах горного застолья,
я был влюблен,
я нес собою
гром многоликого свиданья,
что освещен

орла полетом
на слитых тенях мироздания,
я даль священных берегов
на горизонтах остроглазых
цеплял за хвост,
теряя фразы,
слова стянув в немой покров,
и забываясь, падал навзничь,
вдыхая мир,
дыша в любовь...

Ветхозаветный Одиссей

Окутанный волнами фимиама,
под звон кимвалов
пробужден звездой он ранней
в расхождении небес,
и золотые херувим
дышат ветром огнегривым
в тень его...

Распахни себя

Я пришел за тобой..
Открой пошире окно и ветру отдайся..
В легкость волос зачерпни весеннюю дрожь пробужденья нагого..
Я шел за тенью твоей, как по сладкому следу маков,
Собирая лимонный песок в теплоту
И разбрасывая одним словом
То, что сотни речей обнаружить не в силах,
Сокровенную краску жизни...

Триэтерии

Ночь. Декабрь. Тьма сочиться паром.
Стоны, смех и бездна факелов на апогеях гор.
Растерзанным платьем, неистовым ветром
Женская пляска трепещет в конвульсиях.
Сырое мясо капает кровью из уст ненасытных,
Голое чувство безумия, радость экстаза, пламя восторга
В сонме вакханок кружатся.
Мукой и наслажденьем беснуется вера
Желанного Диониса

Вожделение снега

Свора палящего снега,
Жгучий декабрьский дождь,
Лед синевою по небу,
Солнца простуженный штрих,
Острыми розгами ветра
Бьются тревожные сны.
Дай мне немного любви,
Чтобы согреться в объятиях света
Глаз твоих.
Коснись замерших губ

Жаждой дыхания,
Охвати мою боль,
Мою бессмертную грусть
Сладкой янтарной краской,
Бархатом южного храма.
Сквозь расстояние
Я слышу, как бьется в груди
Нежное пламя,
Я чувствую,
Как с кожи сочится елей,
Я вижу, как рвется наружу
Стон, пробужденный лаской
Твоих обнаженных полей.

Вслушиваясь в тишину

Вслушиваюсь в тишину,
в неуловимое колебание ночного воздуха,
в шепот капель воды из под крана.
Стеклянным экраном
холод за окнами просится в дом,
и я приму...
Будь моим гостем
посланец свечи ледяных фонарей,
если ты не один, то зови и ветреный говор.
Просим,
в мою тишину призрачным хором,
места хватит на всех у дверей
моего уютного сна,
В дом мой входят без стука
такие, как вы.
Может немного вина,
или чашку крепкого чая?
Ни звука...
Вслушиваюсь в тишину,
в мимолетную тень бытия,
в шепот настенных часов.
Это любовь
безмолвного "Я"
ко всему, что умеет писать
музыку, не в плену
у нотного стана,
а в легкости молодой луны
импровизацией улиц пустых.
Стеклянным экраном
холод присел на карниз, и вдали
звездами чертит сердца штрих -
еще рано...

Я пропитан железной дорогой

Я пропитан железной дорогой,
Оглушен стуком колес,
Адресован без дома и рода
В неизвестности беглый вопрос.
Незнакомые лица, приметы,
Цепь событий сказочной былью,
Я спешу за полуденным ветром,

Я ночью на станциях пыльных.
И летит, разрывается песней
По оврагам и теням лесным
Мое пьяное воздухом сердце,
Что вдохнуло оторвы-весны.
Позади, остается немного,
Наперед, лишь туманный прибой,
Я пропах железной дорогой,
Километрами рельс за спиной.

Не трави ты меня взглядом пепельным

Не трави ты меня взглядом пепельным,
Расстилая дождями небо,
Не пои ты меня вином летним,
Разбавляя горечь сердечную.
Не ищи ты меня следом,
Мои тропы – прокуренный ветер,
Да осеннее подвенечное
Золотое платье петлею..
Не зови ты меня флейтой тонкою,
Умывая слух теплым вечером,
Не прельщай ты меня бездонного,
Век живи, не постичь все, чем праведна.
Не ищи ты меня беспечного,
Мои тропы – ветра нескладные,
Да осенняя пудра сонная,
Что в ночное сыплет золою..
Отпусти меня соколом скорым,
Что сдирает небесные сети,
Расколдуй меня утром новым,
Что рассвету смиренно поклоню.
Мои тропы – измученный ветер,
Моя осень глухим застольем
Обернулась в слякоть да пепел,
Увязавшись вслед за тобою..
Не трави ты меня взглядом пепельным...

В кашле майских зефиров

В кашле майских зефиров
Собирал урожай дождей,
На простуженной лире
Отыграл партию сна.
Колесницей водных коней
Загонял тоску в путь-дорогу,
Да листал страницы убогих,
Перемытых, пасмурных дней.

Находил и терял в мутных реках
Истечение влаги любви,
Вспоминал откровение света
В оборотах холодной тьмы.
Где ты спишь, мое сочное лето,
Что плодилось медовой зарей,
Что румянило воздух дневной
Теплым шелком сердечного ветра.
Шли дожди...

Гимны Осириса

Первенец Нут и Геба,
Земли и небес,
Тот, что научил людей
Знахарством промышлять,
Вращивать злаки,
Печь хлеб и готовить вино,
Богов почитать
И обрабатывать золото с медью.

Братоубийством Сета,
Сведенный на смертное ложе,
Поднявшийся в чарах Исиды,
Чтобы зачать светоносного Гора.

Владыка подземного царства,
Почивших судья и хранитель,
Мерило добра и зла
Для душ, алчущих
Райских полей...

Слава тебе,
Божественный отче Осирис!
Надежда на воскресенье
И вечную жизнь...

Сладкой черемухой в чуткость души

Сладкой черемухой
в чуткость души
изливается вдохновенье,
Свежей травой
в шаг проникает дыханье земли,
Я приобщаюсь
мгновению,
в светлый прибор
солнца подвязанному,
Развязанному
на тысячи верст
струнами-кренами
музыки золотой...
А за мной тянется
след сапфировый
в озерах зеркальных,
след каштановый
черноземом справленный,
след соломенный
полем обожженный,
след разбавленный
лесом изумрудным,
И я теряюсь талым
снегом облачным,
Небом скованный
в музыкальность
ветреного слова...
Сладкой черемухой

в остроту сердца
струится пространство
одушевленное,
Бодрой травой
стелется скатерть земли,
Я не ищу,
и меня находит само,
свободное
плаванье летнего зноя,
Заветное место
любви...

С растрепанного неба

смотрит дневное дуло
с растрепанного неба,
ноет пыльное тело
проезжей части,
ловишь мысли, как пули
в раскаленное чрево
мозга...

слабость свисает бороздами
ветвей,
слабость испытанных минут
на больных рубежах...

страх
крадется лисицей,
мне все снится
самосуд
и скорей бы
проснуться...

но тут, как тут
дневное жерло
кипит дорожной блудницей
гудков...
изваляли
в пыли любовь...
изваляли душное сердце...

Снежный плач

Колея сердечная,
Снежной тишины
платье подвенечное
под алтарь луны.
Кони белогривые –
звездная метель,
Топь ночи ленивая –
черная капель.
Колея сердечная,
Сонная земля
в пух-мороз просвечена,
Где ж ты весть моя
светлою приметой
молодой зари,

Верю пропетая.
Эх, не говори...

Воля вольничья степная сестрица

А доколе же мне пить этот холод,
Что пророс из земли родниками,
А доколе же искать в сердце повод,
Чтоб коней пришпорить вольными хлебами.
Ой, не ведает душа, ой, не знает,
Не испросишь у студеной водицы,
Отчего такие песни слагает
Воля вольничья степная сестрица.
А доколе же мне биться с нечистой,
Что обила пылью пороги,
А доколе же мне в сердце креститься,
Чтоб испили кони хмеля в дорогу.
Ой, не чует душенька маетная,
Не изведать спросом в молитве,
Отчего ушла скука праведная,
Да связала степь неумытая.

Тень обнаженных проспектов

Город стекает черной смолой
Под ноги призрачных душ
Снующих в проемах проспектов.
Ночь собирает в стаи дворняг.
Ночь расплзается кляксами луж -
Дождь очищает от света
Дешевого лоска.
В каждом движении слышится страх,
Страх нарезает лунную дрожь
В выжженный воздух,
Пропитанный потом денег.
Ночью уже не солжешь
В холодной степи одиночества.
На сцене,
Лишь ты и твое отражение
В мертвых витринах,
А у виска
Волчий оскал фонарей.
Город спадает свинцовой периной
В следы у закрытых дверей,
За которыми прячется
Пустота,
За которыми тащится
Снов рутина.

Союз воды и огня

Ниже по течению
Нас ждет хрустальный водопад,
Ближе к горизонту
Нам руку протянет лимонное солнце,
И воздух вечерний
Наполнит своим поцелуем небесный фасад,

Когда ты напомнишь мне
О союзе воды и огня,
О свете луны в зеркалах бездонных колодцев,
О нервной волне, прожигающей дрейфом песок,
О том, как пылает весна
В журчащей стихии ручьев,
И зелени сок
Возбуждает пластичные гроздья
Древесных плетей,
И сходит лавиной в сады Афродиты
Спячка снегов.
Когда распахнешь ты мне воздух,
Где ветры полощут любовь
Ненасытного мира.

Возвращение. Иди мелодией Орфея

И свет, который порождает день,
Во мне разлился колокольным звоном,
Волнуя сердца плавный океан,
Когда ты встретила мою ночную тень
В глазах, цветущих хмелем невесомым,
Во взгляде, облачившим в мрамор храм
Моих обветренных, заброшенных дорог.
Я перепрыгнул грань небесных сфер
И обратился облачной душой,
Когда ты полем вышла на порог,
Где пряный воздух в мгле рассвета рдел
И окроплял ночные льды весною,
Исполненной тепла и тишины,
Спокойствия божественного слова.
Я протянул ладонь свою к огню,
Он не обжег, он молвил мне, иди,
Иди мелодией Орфея к солнцу дома
И не оглядывайся больше на луну.

Проникновение июньского неба в созвездие осени

Распусти мне нитью Ариадны
Солнца осеннего луч остывающий,
Расскажи мне истории
Умиравших дней.
Там, на золотых одеялах
Осталась вода
Памятью летних дождей,
В дыхании теплого моря
Жемчуг песков размытый
Догорает на ледяных кострах.
Отпусти импровизацией сердце осеннее
В объятья июньских призраков.
На часах
Начало цветущего, хмелем плененного,
Капризного
Огня зарождения жизни.
Нанизывай летнюю краску
На осенних холстов приметы,
Доверься и я покажу тебе,
Ничто не ушло, не разграблено ветром,

Не сгнуло в паутине вечерних меридианов.
Только одно,
Все, что прошу тебя,
На ласке,
На легкости струн,
Золото собирающих,
Распусти мне нитью Ариадны
Солнца осеннего луч остывающий,
Там будет ждать нас всегда июнь.

Джаз разбитых стекол

Джаз разбитых стекол,
Блюз из-под ножа,
Тени возле окон,
Некуда бежать.
Ночь скрутила руки,
Разметала сны,
Мы цепляем звуки
Тяжестью луны.
Черное эхо симфоний
Угольных небес,
Нас уже не вспомнят,
Нет свободных мест
В зале освещенном
Звездным конфетти,
Мы ночные боги,
Сбитые с пути.
Джаз разбитых стекол,
Блюз из-под рубцов,
Кормят черным соком
Черную любовь.

Пожары июньских окон

Запах яда.

Непослушное тело
Извивается змеем.

Скоро смерть примет тебя,
А пока, спи со своими умелыми
Кошмарами-противоядиями.

Ты дрожишь, как осенняя листва,
Как горячий воздух,
И уже немного немало
Восемь утра.

Собирайся, скоро в путь
За новой дозой
Пронзительной песни летнего солнца.

Не забудь свою драную шляпу,
Укрывающую
От черного взгляда,
Идущих навстречу
С прискорбной мечтой

О вечности
Твоего небытия.

Тяжесть дыхания

Я оставляю свет.

Агония тонких пальцев,
Горящих от нетерпения.

Я собираю бред
По кусочкам внимания
В холод ночного пристанища.

К сожалению
Сны так призрачны,
Как умирающий взгляд
Шамана.

Сегодня
Я говорю иначе,
Чем в тот бордовый вечер,
Зализанный в смуглый закат.

Рана открыта
И бьется ключом.

Опять горячо
На пальцах
Покрытых
Дрожащей сталью струны.

Прими меня в дом забвенья
Под ядовито-желтой луной,
Отраженной в оконных кинопроекторах.

Вектором
Распрямляюсь
В тяжесть дыхания.

Освещение зари родниковой нимфой

Солнце встает,
как джин из бутылки,
вождей и исполнит день
любую прихоть твою,
моя нимфа
кровей родниковых.

Птицы полет,
также прекрасен
своей невесомой эстетикой,
как и твой взгляд,
что шелковой нитью
вьет во мне свет.

Утро воздвигнет
храм

в честь твоего пробужденья
на спинах холмов,
окрасив дымкой змеиные линии
их высоты.

Черпай во всем наслажденье,
переводи в любовь,
ты так ласкова в ее пламенных родах
истины каждого дня.

Смотри на меня,
во мне отраженье
страстной зари,
освященной тобой.

*** (Перебинтуй меня листьями нежными)

Перебинтуй меня листьями нежными,
Травами свежими
спать уложи.

На ножи
горячего лета
маслом солнечным сброшусь,
чтоб расползтись на сотни лучей,
стекающих в твои глаза.
Где бирюза озер
остывает...

Черная Африка. Сны из залгани

Сны из залгани
(могильник времени
на языке суахили)

Дома из глины и хвороста.
Живой мертвец
у вечерних костров.

Обряды, инициации,
культы духов и демонов.

Пасть гиены, клыки кабана,
рога антилопы, хвост хамелеона,
комбинации мирового хаоса
на судебных церемониях.

Мистические превращения.

Человек-леопард,
заклинатель дождя,
творец
священного огня.

Танцы, маски,
ножи, копья, шкуры животных,
тропический экстаз,
экспрессионистическая оргия,

восхождение
в бездну,
посвящение
в легендарное прошлое.

Пикассо и Матисс в восторге.

Ночь под ломками отрекается

Швы расходятся.
Небо плавится.
Солнце сбрасывает
чешую.
Вином капает
да не кается
поле дикое
по утру.

Ночь под ломками
отрекается,
все плывет талой луной.
Где ты звонкая
песнь разгульная,
сердце мается,
дай-ка бой.

Очи светлые
слизь небесную
расстреляли
да выжгли дола.
Скука бледная,
сука пресная,
порублю тебя в щепь
на дрова.

Я видел в тебе море

Я видел в тебе море.
Сине-зеленое настроение волн,
нанизанное на шлейф горизонта.
Я видел твою душу
в ожерельях песчаного дна,
когда ветров соленый стон,
подпевающий чайкам,
мне голос твой подал.
Я слушал
и ты была
бескрайне прекрасна
в отчаянье
своей стихии.

Расскажи мне о том,
как небо печально,
что, лишь отраженьем своим
ласкает твой волнительный пульс.
И как сном
припадает к тебе луна.
Не томи,

причалъ в мою грусть,
давай вместе с тобой погрустим
об утонувших в любви.

Дары Дианы

Ей нравился Бетховен, мне Шопен,
но мы сошлись на Моцарте,
она оставила шарм легкости,
я романтический прилив весны
и солнечные струны.

Ее волосы пахли кедром,
руки жасмином.

Голодной пчелой я собирал пыльцу поцелуев
с ее губ.

Ее молочная обнаженная кожа ловила
шелковый ветер,
иной ли достоин был,
иной ли был к ней хорош.

И небо
проливало самый теплый дождь
к ее ногам.

Мне нравилось любить, ей быть любимой,
но мы сошлись, устам
придав взаимность меда
из улиев Эдема.

Пред ритуальными кострами городского сна

Как Гауди, маэстро форм природных,
Леплю из света летнего июнь
Пред ритуальными кострами городского
сна.

Качает солнечный валун
тяжелый привкус духоты
по магистралям шумным,
И пелена
из лиц
встает перед глазами.

Ноздри, рты
глотают жадно пыль,
спеша насытить легкие полуденным
дыханием забот.

Картина
достойная и Дантевского Ада.
Вечерняя бравада
прохладных закоулков,
лишь оттянет раннего рассвета
окрик гулкий,
что раненную ночь на части рвет.

Когда леплю из света
летнего июнь,
из солнца бурь
выуживая мякоть
руками захлебнувшимися смуглым,
и, как Дали, подмешивая сны,
Я не сочту за наглость
Послать весь этот город блудный,
стороной,
И сделаться одним
из волчьей тени
в призраке луны.

Танцы у горного озера

Танцы у горного озера.

На холодно-синем стекле воды
огненные поцелуи движений.

Молочно-снежные шапки гор
свисают суровым молчаньем.

Орлы кружатся в кристаллах воздуха,
нарезая следы
петлеобразных теней.

Хищные кошки, настороже,
прячутся в каменном логове.
Тем опаснее пляска людей
и грациознее возбуждение
каждого шага
церемонии посвящения.

Экстаз.

Окончание.

Гаснут костры.

Дым возносится духами
переплавленных чувств.

Тишина обретает законное
право звездным напутствием
страннику.
Ночь отдана охотнику.
Лунная влага
смывает запах присутствия.

Ангелы облачных сфер и звездных атоллов

Не спи, вокруг поют ангелы
седых облаков.
Их музыка прописалась дождем
на материнском инстинкте земли.
Она наполняет собой

обоженную глину усталых
душ,
предавая ей мягкость в любовь.
И ласковым сном
поглощая холодные прочерки
одинокости,
исполняется нужд
обреченных дорог в никуда.

Не спи, вокруг поют ангелы
звезд алмазных.
И одна звезда
всегда твоя.
В свежести стальной ночи
лови блеск ее струн,
цепляясь за ветер
источником
голодного сердца.
И в свете
тусклом
взрываешься огненной паутиной
сверхновой.

Только не спи, когда
вокруг поют ангелы
облачных сфер и звездных атоллов.

Морфием небо твое ползет

Морфием небо твое ползет
сквозь горизонт
моих мыслей.

Туман твой спадает на руки
пшеничной пылью.

Ни звука,
ни шороха
в долине вечных любовников
зрелой весны.

Плесни
дождем
по обезвоженным макам
губ,
лицо окропи в сапфиры речные.

В воде,
до самого дна,
знаки,
символы,
словно злаки,
прорастают в мечты
о тебе.

Круг
замкнулся.
Личина
желания обнажена.

Круги на воде. Чувствуя осень

От заостренного взгляда
Круги на воде,
Тревожа натянутую поверхность,
Разносят печаль
Осенних секретов.

Рядом
Стоит омертвевший туман.

По коже
Лед пробегает ветром
И оставляет шрамы.

Хламом
Золота носится лиственный бунт.

К устам
Прилипают непрошенный дождь.

Ты идешь навстречу
Волною ласковой флейты надежды.

И невежда
Ветер
Уступает тебе дорогу.

Прикосновение света,
Это все, что в тебе мне дорого,
Явственно необходимо,
Это все, о чем я прошу.

Я гляжу
На воду,
Я чувствую бога,
Что смотрит нам в спину.

Играя демиурга

Совершенная сладость творческого одухотворения,
как сексуальное возбуждение
проникает химией в паутину нервных узлов
и расщепляется на мед.

Свет пробивается под кожу,
разливаясь спелым вином
и награждая безумием в водовороте сердца.

Несите любовь
и ненависть
на золотых подносах.

В моем
ненасытном голоде
найдется всякому место
под солнцем.

Хочешь, я проведу тебя
по тонкому лезвию наслаждения,
по раскаленной боли
и созерцательной ноте печали.

Смерть и рождения
дня,
тяжесть закатной крови
и свежесть рассветной свечи
обвенчаются
словом.

Из нутра
заточив
фантазии лета,
прелюдии
зимних ласок,
солону осенних духов,
и пляски весны,
лед и пламень
единою ветвью
созидательных красок
упадут
с пера
в осязание слуха.

Нервы вязать лазурью

В глазах волка
черпая нежный огонь
хищного пламени,
Приручив эту рыжую бестию
лаской кнута
сердечной грозы,
Я пою без умолку
в распятую жизнь,
как в открытую рану,
И на воду пресную
солью крошу
чистой слезы
рассветных приправ.

Мне из веры
нервы
вязать
обучаться у храмов звенящих,
Мне из тени
пленной
лепить
святых ветров отметки.
Помолись за меня,
моя люба,
пока я живу настоящим,
Проводи мое эхо
к лазурной любви этих ветров.

И с звездой твоей,
обручаясь незримой дорогой,

упаду вслед любви
и у бога
спрошу твоих благ.
Волочась на огни
у знакомого сердцу порога,
я замру безрассудством
легенды ночной,
чем только богат.

Перепаханный в горе,
пропитанный тленом
и прахом,
Мне звездой напороться
твоею,
что скажет,
ты прав в своем зле,
это счастье твое,
твоя судьбина-рубаха,
примеряй от души,
солнце ляжет
теплом и к тебе.

Мистерия хвойных покоев

Сосновый воздух хранит
прилив наркотических снов.

Опустошаю легкие,
обветренные ледяным елеем.

В сердце горит
пламя цветов
полевых.

Протяни только руку,
неподалеку
синюю бездну роняет
чистое небо.

Перемешавшись
в звуках
птиц,
внутренний голос
алчет
до пений орфических.

Желтым прибоем
ныряет
в тесто земли
солнца тление.

Хвойная пропасть
россыпью.

И безразличие
ко всему,
что не пропитано этим мгновением,
рядом с тобою,
Господи.

Пока распускалась вселенная

Та, что легка, как горная вода,
Проницательна, как туман молодой луны,
Говорила мне,
Что сны –
Это прогулки души,
Что дыхание –
Это пульс неба,
Что слова –
Живут в этом мире вечно.

Я слушал
И медленно
Засыпал, отпуская душу,
Я слушал
И дышал,
Нащупав небесную вену,
Я слушал
И отвечал
Вечным словом любви.

А вокруг, распускалась вселенная
Бархатной ночи,
И огни
Звездных мгновений
Осыпали глаза серебряным пеплом.

Спасибо тебе,
Нежная, словно вечерний ветер,
Ясная, словно летний невод.

Жемчуг с рук твоих собирать

Песнями леса в слух ниспадая,
Жемчуг с рук твоих собирать,
Алые зори губ
Вдыхать поцелуем,
Завещание сердца
Блюсти
Лаской небесной.

Играть
На клавишах твоих шагов
Гармонию ветра вслед,
Цвести
Полевым огнем
В твоих глазах.

Это все помогла обрести
Ювелирная нежность-ночь
С твоим именем на устах,
Это все подарила
Учебой любви
Изумрудная леди-весна.

Эклектика гетеры

Соитие гармонии Эллады
И хаоса свободы авангарда
Придали геометрию любви
Ее скользящей тени.

Вдохнув согласия неба,
Безукоризненный
Пuls краски
Лугового сна,
Как италийские холсты
Ренессанса,
Узор движений
Ее мира
Плел солнца
Жилы.

Венским вальсом
Она вскружила
Лиру
Сердца.
Нервозным
Пламененьем романтизма
Распахнула
Страсть.

Кислотным блеском
Импрессионизма
Разбрызгала
Духи морского бриза
По следу легкому.
И только
Повторяла правомерно
Фригийским ладом
Нежный плачь Венеры,
Пока я спал на травах ее ласк.

Кислота

В скверах,
Где прозябает время,
Кислота городского вечернего неба
Оседают
В шорох бесед не о чем.

Кто-то пьет.
Алкогольной микстурой
Штопает значимость этой минуты.
Кто-то курит.
В сером тумане
Ищет образы прошлого света.
Кто-то плюет
По-ветру.
Шарит своим направлением
В будущность.

Оперение
Мятых газонов

Принимает собою
Влюбленных
В собственную любовь.

Разжигая костры витражей
Магазинных очередей,
Город не спит, город вновь
Зазывает на праздник
Гордого одиночества.

Архив снов

На крыльях летучих мышей
Ночные письма
Летят восточкой лунного возлияния.
Суть вещей
Невещественной мыслью
Скитается
По бессоннице мудрецов.
Подаяние
Звезд -
Тусклая течь дороги.
Боги
Разговаривают через сны
Со святыми безумцами.
У воды
Колдует камыш.
Занавеска
Черного воздуха
Ветром дрожит,
Крутя блюдце
Луны.
Хищной тенью
Крадутся
Сказания леса.

Алкоголь

Пока этот мир сходил с ума,
Я пил свое виски.
Пока этот мир сходил с ума,
Я пил свое виски.
Но, кажется, кончился лед,
Я встал и ушел по-английски,
Туда,
Где еще наливали
Холодный закат.
Да-а-а-а-а...
Черт возьми.
Туда,
Где еще плескался яд
Холодного веста.

Деформация

Выйди на улицу и помолись
Могильным плитам многоэтажек.

Глотни вина
И вдохни свежей пыли дорожного бреда,
Как солнечной манны.
Сегодня такой прекрасный день,
Чтобы забиться в улей
Прокуренных баров.
Сегодня все будет иначе,
Сегодня все будет не так, как всегда.
Наслаждайся самообманом,
Несчастливая жертва внутренней пустоты,
Ведь скоро мы все умрем,
А возможно тебя уже нет,
Лишь присутствия тень обличает твой след
На холодном грунте любви.
Душа вдребезги, сердце к стене,
Сегодня ты обретишь,
Еще одну порцию лжи
Для нового вечного завтра.

Тринадцатый. Обращение Савла

Савл, помнишь дорогу в Дамаск.
В терзание церкви дышал ты
Грозами и убийством.
Ты, крещенный духом святым,
Одно сердце, одна душа
С великой любовью,
Сосуд избранный, отверзший уста,
Чтоб благовествовать Слово.
Как не ел и не спал три дня,
Ослепленный сиянием неба,
Как преломлением хлеба
Христово
Поднялся над прахом книжным своим,
И именем Павла принял Его кровь
В свою душу,
Как слух и уши
Обрезал в любовь.
Савл, помнишь молитву рассвета
И солнечный ветер
В груди,
Всколыхнувший незрячее сердце.
Расскажи о борьбе
Очищения
Еще раз,
Тем, кто забыл
Уроки Иерусалима,
Расскажи о светлом посте
И о плаче святых,
О собраниях Антиохии,
Финикии и Самарии,
Сирии и Киликии,
Македонии и Коринфа,
Положенных в свет язычникам.
Расскажи, как безропотно
Возмущал и питал обычай
Влагою воскресенья
Через цепи судилищ.
Да, Бог не имеет нужды,

Но ты,
Побитый камнями и костылями
За Бога живого,
Счастливейший
Из грешивших
На этой земле, прожженной страстями
Властных до крови
Агнца,
И алчных до яств
Пурпурной Голгофы.
Благо
Помнить
Наследие
Уз твоей скорби
В огне
Раскаянья.
Савл, помнишь дорогу в Дамаск.

Серебряный кубок холода

Алые губы
прилива заката
в алмазном фужере вина.

Вечер роняет инстинкт наслажденья.

Шелк халата,
тихим паденьем
к обнаженным ногам,
вскрывает мрамор
горячей плоти.

Охота
за звездами
бредит
серебряным кубком холода.

Рваным
движением ветра
выстрелы пульса,
кровотока в висках,
отсчитывают предсмертную страсть.

Костры
перекрестков
бьются в истерике света.

Полная,
глубокая
власть
магической ночи.

Жертвенность блудной луны.

Легенды

Нервный треск хвороста.
Запах сочного мяса

собирает волчьи тени
связкой тревоги.

У костра новые гости,
ветром лесных трупоб
вливаются в пение
ночи.

Доспехи черного неба
укрывают таинство тихих легенд,
рассказанных странниками.

Раненная
луна
плавится в ленной
утробе призрачных глаз.

Проходи к огню, садись
кто бы ты не был,
отшельник багряных дорог.

Звон
родников.
Экстаз
шамана.
Свист
разбойничьих шаек
поодаль.

Вздохи
могучих дубов
охраняют сон.

В атмосферных фронтах сентября

Симфонии погребального солнца
Разлетаются
Горящими крыльями сентября.
Хлыстом извивается,
Ломит кости
Ветер северных рубежей.
Жрицы огня
Прячутся в храме небесной ваты.
В золоте и дожде
Выносят на подиум сна
Желтое платье
Простуженного кутюрье.
В груди
Воздух птиц перелетных,
Плесенью
На ресницах
Горчащие сливки рассвета.
Вложи в руки дрожь.
Веди
Разговоры о боге
В дьявольских ножнах
Осени,
Пока не остыло сердце
Любовников лета.

Ренессанс Италии

Священники,
Держащие публичные дома.
Монахини,
Читающие «Декамерона»,
И отдающиеся оргиям,
Осадком –
В грязных стоках
Скелеты детей.
Папа Александр четвертый
С сыном
Под ночные своды
Собирает толпы
Куртизанок.
Герцог Альфонс
Гуляющий по улицам в полдень
Нагой.
В Милане Талеаццо Сфорца
Лелеет себя за столом
Полотнами содомии.
И флорентийские розы
Искусства,
Идеальный город,
Рожденный открытием перспективы.
Да Винчи, Брунеллески,
Донателло, Мазаччо.
Величие пространства
Человеческой природы.
Цветущая эстетика
Весеннего винного
Братства.
Карнавалы масок,
Турниры, уличные спектакли.
Краски
Молодости.

Импульс полусна

Я хотел бы видеть,
Как ты плачешь от счастья,
Срывая взглядом
Созвездия летних ночных садов,
Где спряталась тень моего дыханья.

Где все линии
Радугой красок,
Кляксами свежести винной,
Чертят грехопадение,
Воспевая любовь.

И рядом,
Бессвязно
Вяжут мне вены
Воздушными нитями серебра
Демоны
Лунной прохлады.

Как звуки
Задышаются в крике безумца,
Тобою распятого
До утра.

Призраки девственной памяти

Распятое сердце,
чувствуешь
древнюю связь
ремесла кузнеца,
знахарства, колдовства
с искусством поэзии.

смешение демонической первоосновы
и божественной творческой бездны.

ценность смерти,
завершающей переход
к перерождению духа.

холодные звуки
погребальных камней,
песни умерших,
ставших богами
сакральных
плодов
цветенья земли.

календари
свинцовых
лун.

извитость
мрачных пещер
и их ритуальную роль.

непостижимую тайну
и боль
разгрома Творения
своим Творцом.

Жажда-осень

Пробуждай меня
Кричащей наготой
Любви,
Расплавленной в золоте
Осени.

Снаряжай меня
Жаждой святой
До твоих лугов.

Слушай голос,
Размолотый
В музыку снов,

Осевших в постели листвы.

Рерих. Канченджунга

Лиловые волны воздуха,
Растянувшиеся ветхим туманом
На изломах пунцовых гор.
Согревающая пустота.
Облака узкоглазой россыпью
В бездне пьяного
Вдохновенья тектонических плит.
И сапфиром горит
Живая вода
Души.
Тишина заморожена
Благословеньем.
Не единого лишнего звука
От линий-струн
Горизонта.
Только небесные соты
Падают в руки
Художника.

Волхвы с востока

Осеннее утро.
Туманное шоссе.
Лесопосадка.
Три призрачные фигуры
движутся по влажной
пустынной дороге
в направлении рассветной звезды.
Одиноким аллюром
из седой дымки
ковыляет пастушья собака.
дорожный указатель –
Вифлеем, три километра.

Смерть собаки

Смрад утра.
Треск тормозов и гудков...
Остывшее тело Волчицы
На сырой, бездыханной земле.
Под железной сенью амбара
Ютится
Плач щенков
И холодное жало
Боли ранней,
Обретшей надел
В пасти дорожной.
Неподвижность любви
Глухотой в пустоту.
Кто-то, просто, куда-то успел,
Вот и все...
Объясни им, дворнягам таежным,
Отчего так горчит молоко.

Не могу...

Одетая в воздух

Одетая в воздух
танцует священный танец любви...
(в постели луны
взятая мягкостью света)
одетая в воздух
срывает плоды истерической ночи...
и каждый день,
жертвой рассвета,
одетая в воздух
бросает свой храм,
исписавшись до точки
в поэзию дьявольских ласк
и ангельских гамм...
чтобы завтра снова творить
рождение красок
любви
в радуге
ночи...

Три четверти

Мы смотрели на раскаленный уголь солнца.
Город замер, железные рептилии поездов забились в норы депо.
Уютная вселенная проплывала под старым мостом.
Предаваясь бессмысленным размышлениям,
Как мы были мудры, обнажены сокровенным дыханием вечера.
Этот закат и сегодня тает в моем сердце.
Полнота восприятия плавилась глупость мира.
Я сказал, что хочу отвести тебя к сладкому берегу,
Ты взяла мою руку, и мы поплыли по летней реке
К горизонтам невесомого света.

Тогда ты ушла в полночь и лунная дрожь липким медом
Оседала в слабости блестящих печалью глаз.
Твое лицо озарялось золотом в наивной по-детски улыбке.
Собрав поцелуем остатки нежности в твоем шепоте
Я проводил уносящийся в пустоту городских преданий маршрут,
А лето осыпалось июльскими звездами на рассеянные волосы
Скиталицы-ночи.

Потом, святой тоской пришла осенняя степь.
Янтарный ветер, замешанный в дождливый хрусталь,
Вел нас по аллеям сонного парка.
Венки из листвы украшали головы
И ты кружилась огнем в палитре умирающей природы.
Ледяной туман фонарей, пропитанные холодом руки,
Дома нас ждал согревающий аромат вина, гостеприимство скромной постели –
Убежище бархатной, нетерпеливой ласки.
Я слушал твои милые рассказы и плел из них узоры новых историй,
Оседающих молодым инеем на губах.

Проводы солнца. Лавочка у бриллиантовых волн небольшого озера.
В теплоте прикосновений воскресает призраком
Тонкий, музыкальный прибой лазурного побережья,

Белоснежные птицы, пронзительный, вдохновенный танец свободы
В небесном океане.
В безмолвие пестрой памяти бесцеремонно врывается
Истерия проезжей части.
Пойдем, напишем еще одну ночь вдвоем.

Асфальтовый сумрак, отливающийся грязным серебром.
Отречение зимнего плена.
Молочные хлопья снега, сползающие под воротник.
Кристалльный декабрьский сок каменеет стеклянными лужами.
Накрой меня атмосферой лунного мистицизма,
Насыть меня дымом полночных созвездий,
Жемчугом тела сыграй со мной драму желаний.
Дальше...ты узнаешь сама...
Ты увидишь сама...тебе подскажет закат,
Что тает в моем сердце, тем июльским протуберанцем.

Расстрел

Раз!
Два!
Три!
Выстрел.
Кровавая акварель
по стене
мертвым эскизом.
Следующий!
Палач бессмысленно
жмет на курок.
Приказ сверху,
исполнение снизу,
холодная простота.
Смерть у ног
пробирается змеем
по трупам.
Тот, что еще
секунду назад
жадно глотал раскаленный воздух
и до последнего счета
верил,
уже потерял свой страх.
Смерть потирает потные
руки,
слизывая
желудочный сок
на устах
и принимая позу
эстета-Нерона
перед плавающим Римом.
Мрачные мины
карающих кукол
скрываются тьмою,
оставляя бездушную плоть
слезам матерей.
Точка!
Разойдись!
Ветра свист
продирает пугало
ночи.

Ржавые поры
тюремных решеток
впиваются в неба обрывок.
Шаги за дверью
хлыстом по нервным
канатам.
Под жестким
присмотром
расписанных датами стен
осталась в живых,
лишь вера.
Ватная пустота
капает с вен,
здесь кровь обесцвечена.
Вечером
очередной приговор
найдет своей жажды
отдушину.
Душно.
Душно от ожидания
и пережаренных
мыслей
на углях неизвестности
неизбежной.
Просит свидания
дерзкая пуля,
нежная
сталь
смотрит в упор
прищуром,
мерещится в каждом движении
пьяных теней.
Стигмы луны
падают бликами
в дрожь безумных,
молящихся глаз.
Какие сегодня вести?
Ко мне!
На выход!
К стене!
Раз...!

Коридоры.
Призраки-двери.
Опять коридоры.
Отравленный страхом эфир.
Сомнения
здесь неуместны,
за все решил
кровоподтеком автограф
сознательного
гражданина-убийцы,
и если отыщется правды
забитая тварь,
то только не в этой жизни.
Аккорды
могильных нот,
как дар,
написанной

смертью прелюдии.
Скрежет зубов
пойманной дичи.
Подпевай!
Железное марево.
Даль.
Боль.
Живого дыхания голод.
Тянется вал
обреченного мира
сквозь голое
безразличие.
Камера.
Руки!
Пошел!
Тюремных решеток
ржавые поры..

Сворачивая время

Когда идешь по краю чувств,
и кругом беспроглядная, демоническая ночь
распускает соцветия остроглазых звезд,
сознание поглощает мертвую тишину
жадными порциями,
и ощущения сливаются в черный фон
воздушного плаща,
ничто – становится всем,
а все теряет свое первостепенное значение,
и истина кажется такой легкой и близкой,
что слова утрачивают смысловые направления
и разбегаются вместе со взглядом
по ароматным хвойным силуэтам.

Одиночество меняет полярность
и образует единую гармонию
с каждым прожитым вдохом,
с каждым шагом,
отпечатавшемся во временном коридоре.
Безмятежность наполняет голову
прохладной пустотой,
но эта пустота точно знает ответ
на тревожные, душные приступы
дневной лихорадки.

Когда идешь в смуглый горизонт неизвестности
и по душе расползаются тени ночных ангелов,
нашептывая ветром полусонный блюз,
только тогда возможно любить
во всем великолепии сердца
каждый мимолетный интервал
истечения жизни.